

Редьярд Киплинг

МАУГЛИ

ЖИЗНЬ В ДЖУНГЛЯХ

перевод
Алексея Козлова

Редьярд Киплинг

Маугли. Книга Джунглей

«Издательские решения»

Киплинг Р.

Маугли. Книга Джунглей / Р. Киплинг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966109-8

Новый, адаптированный перевод Алексея Козлова великого произведения Редьярда Киплинга «Маугли» из «Книги Джунглей». Сочинение 1893 года.

ISBN 978-5-44-966109-8

© Киплинг Р.
© Издательские решения

Содержание

Братья Маугли	7
Охота Каа	20
«Тигр! Тигр!»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Маугли Книга Джунглей

Редьярд Киплинг

Переводчик Алексей Борисович Козлов

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

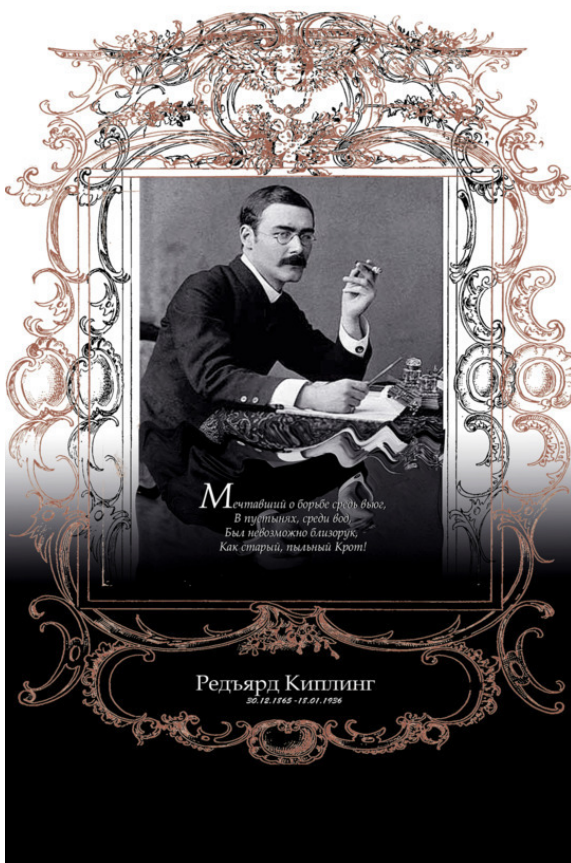
© Редьярд Киплинг, 2019

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2019

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-6109-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НОЧНАЯ ПЕСНЯ ДЖУНГЛЕЙ

*Над Миром воцарилась Ночь,
И Мышь Летучая летит.
Тот, кто хотел себе помочь —
Помог!
Но самый хитрый скрыт!*

*Здесь не услышишь Злата Звон.
Жизнь тяжела,
А Смерть легка!
У Джунглей лишь один Закон —
Удара Когтя и Клыка!*

Братья Маугли

Около семи часов душным вечером на холмах Сиона, Отец-Волк проснулся после долгого дневного отдыха, почесался, зевнул и медленно вытянул лапы, одну за другой, пытаясь избавиться от сонного онемения. Мать-Волчица лежала, уткнувшись большим серым носом в четыре кувыркающихся, визжащих детеныша, и Луна сияла в горловине пещеры, там, где все они жили.

«Авг!» – внезапно прорычал Отец-Волк, – Пришёл час новой охоты!

Он уж собирался прыгнуть с холма, когда небольшая тусклая тень, украшенная густым, пышным хвостом, пересекла порог и заскулила:

– Удачи тебе, о славный Вождь Всех Волков! Счастья Тебе! И удачи и крепких белых зубов твоим благородным детям, дабы они никогда не забывали о голодных тварях в этом огромном Море!

То был шакал – Табаки, Блюдолиз, как называли его в Джунглях. И все волки Индии презирали Табаки, потому что он бегал, распустив длинный язык, шутя, рассказывая всем лживые сплетни, и пожирал тряпки и куски сгнивших кож из деревенских мусорных куч. Но они не только презирали его, но и боялись, потому что Табаки, больше чем кто-либо в джунглях, склонен сходить с ума, а сойдя с ума и впав в бешенство, он мгновенно забывает, что был некогда труслив, что когда-либо кого-то боялся, и тогда он бежит по лесу напролом, кусая все на своем пути бешеными, ядовитыми зубами. Даже Тигр ужасается, бежит и прячется, когда маленький Табаки сходит с ума, потому что безумие – самая позорная вещь, которая может настигнуть дикое существо – Дитя Матушки Природы. Мы называем это гидрофобией, но Дети Леса называют это Девани – безумием – и убегают от него, унося ноги куда подальше.

– Тогда войди и посмотри, – сухо сказал Отец-Волк, – но здесь совсем нет еды!

– То, что для волка нет еды, – сказал Табаки, – то для такого подлого создания, как я, и сухая кость – в радость, и крошка – великий праздник. Кто мы такие, Гайдарлоги, чтобы выбирать и выпендриваться?

Он побежал к задней части пещеры, где вскоре нашел кость оленя с небольшим количеством мяса на ней, и теперь сидел, весело вгрызаясь в её конец.

– Всем спасибо за этот хороший ужин! – наконец провизжал он, довольно облизывая чёрные губы длинным влажным языком, – О, Хозяин! Услышь меня! Как прекрасны твои благородные дети! О, как велики их глаза! И они такие молодые! Но, в самом деле, в самом деле, я мог бы всё-таки вспомнить, что дети королей с самого начала с самого начала всегда были настоящими мужчинами!

Теперь Табаки, как и все остальные, знал, что нет ничего более неудачного, более поганого, чем комплимент детям Волка прямо им в лицо. Ему было приятно видеть, что Мать-Волчица и Отец-Волк почувствовали неловкость.

Табаки сидел неподвижно, радуясь злу, которое он совершил, и затем злобно сказал:

– Шер-Хан, Большой Тигр, поменял свои охотничьи угодья! Теперь он будет охотиться среди этих холмов до следующей луны, поэтому он сказал мне об этом!

Шер-Хан был тигром, который жил у реки Вайнгунга, в двадцати милях от нее.

– Он не имеет права! – сердито зарычал Отец-Волк. – По закону джунглей он не имеет права менять свою охотничью зону без должного предупреждения. Он распугает всю дичь в десяти милях в округе, а я... я должен убить на двоих в эти дни!

– Его мать не зря звала его Лунгри – Хромой, не даром звала так! – тихо сказала Мать-Волчица, – Он был хром одной ногой с самого рождения. Вот почему он убивал всегда только скот! Теперь жители Вайнгунги злятся на него, и он пришел сюда, чтобы разозлить наших жителей! Они будут рыскать по джунглям за ним, когда он уже будет далеко, а мы и наши дети должны будем бежать, как от горящей саванны! Действительно, мы очень, очень благодарны Шер-Хану!

– Должен ли я доложить ему о вашей благодарности? – взвился Табаки.

– Нет! – отрезал Отец-Волк, – Ступай! Прочь отсюда! Иди, охоться вместе со своим хозяином! Ты принёс нам слишком много вреда за одну ночь!

– Я иду! Иду! – тихо сказал Табаки, – Вы можете прекрасно расслышать Шер-Хана! Он там, внизу, в зарослях. Я мог бы и не говорить вам об этом! Вы сами прекрасно всё слышите!

Да, Отец-Волк и в самом деле слышал, как внизу в долине, там, где текла маленькая речушка, раздавался сухой, злой тигриный рык, переходящий в неудовлетворённое рычание зверя, которому ничего не удалось поймать, и которому совершенно безразлично, узнают ли об этом все джунгли в округе.

– Дурилка! – засмеялся Отец-Волк, – Начинать вечернюю охоту с такого шума?! Он думает, что наши олени под стать его толстым волам с Вайнгунга?

– Х-ш-ш-ш! Этой ночью он охотиться ни на вола, ни на оленя! – сказала Мать-Волчица, – Это человек!

Хныканье превратилось в своего рода растущее мурлыканье, которое, казалось, исходило со всех сторон. Это был шум, который иногда сбивает с толку дровосеков и цыган, спящих под открытым небом, и заставляет их бежать в ужасе прямо в пасть тигра.

– Человек!?! – сказал Отец-Волк, показывая все свои белые зубы, – Фу! Неужели в болоте закончились жуки и лягушки, чтобы ему пришлось есть Человека, да и на нашей земле?!

Закон Джунглей, по которому ничего нельзя совершить без основания, запрещает каждому зверю есть Человека, кроме случаев, когда он убивает его, чтобы показать детям, как нужно убивать, и при этом он должен охотиться только за пределами охотничьих угодий своей стаи или племени. Истинная причина этого Закона заключалась в том, что убийство людей рано или поздно означает прибытие других белых людей на слонах с оружием и сотен коричневых мужчин с гонгами, ракетами и факелами. Тогда все в джунглях страдают. Причина, по которой звери решили не убивать людей, состоит в том, что человек – самый хилый и самый незащищенный из всех живых существ, и убивать его может только очень неблагородное существо. Впридачу, они также говорят так между собой – и это правда – что людоеды становятся грязными и у них выпадают зубы.

Мурлыканье становилось всё громче, и закончилось воем в полное горло: «Аа-а-хр-ррр!» – воплем бесноватого Тигра.

Потом был вой – звериный неопишемый вой – из глотки Шер-Хана.

– Он промазал! – пробурчала Мать-Волчица, – Что это?

Отец-Волк выбежал и остановился в нескольких шагах и услышал, как Шер-Хан бормотал и дико порывивал, тяжело подминая под себя хрустящие сухие кусты.

– У этого дурня не нашлось лучшей забавы, чем прыгнуть в костёр дровосека, и он спалил там свои лапы! – хрипло расхохотался Отец-Волк, – Табаки с ним!

– Что-то крадётсЯ в гору! – сказала Мать Волчица, дернув одним ухом, – Приготовься!

Кусты в зарослях чуть слышно зашуршали, и Отец-Волк припал к земле, готовясь к прыжку. Тогда, если бы вы в это мгновение смотрели на него, вы бы увидели самое чудесное явление в мире – волка, остановившегося в середине прыжка. Прежде чем он увидел, на что прыгает, он прыгнул, а затем попытался остановить себя. В результате он взвился прямо в воздух на четыре или пять футов, приземлившись почти там, где только что был.

– Человек! – огрызнулся он, – Мужской детеныш! Посмотрите! Вот он!

Прямо перед ним, ухватившись за низкую ветвь, стоял обнаженный коричневый младенец, едва-едва научившийся ходить – мягкий нежный, весь в ямочках, с таким видом, как будто он всегда ночами приходит в волчьи пещеры. Он посмотрел в лицо Отцу-Волку и засмеялся.

– Это самец? – спросила Мать-Волчица, – Я никогда не видела ни одного! Принеси его сюда!

Волк, привыкший переносить своих детенышей так нежно, что не разбил бы и яйцо в своей пасти, схватил человеческого детёныша, и хотя челюсти Отца-Волка сомкнулись прямо на спине ребенка, ни один зуб даже не поцарапал кожу, когда он положил его среди своих малышей.

– Какая малютка! Как нагой, какой безволосый, и какой смелый! – тихо сказала Мать-Волчица.

Ребенок пробирался между детенышами, чтобы приблизиться к теплым сосцам Матери-Волчицы.

– Ахой! Он ест вместе с другими! И это детеныш человека! Теперь скажи мне, был ли когда-нибудь Волк, который мог похвастаться детенышем человека среди своих детей?

– Я слышал время от времени о таких случаях, но никогда в нашей Стае или в мое время я не слышал о таком! – сказал Отец-Волк, – У него вообще нет волос, он совсем голый, и я мог бы убить его одним когтем ноги! Но видишь, он смотрит вверх и совсем не боится!

Лунный свет вдруг перестал литься в пещеру, потому что огромная квадратная голова и плечи Шер-Хана полностью заслонила вход. Табаки позади него громко верещал на всю округу:

– Мой господин, мой господин, он вошел туда!

– Шер Хан делает нам большую честь! – сказал Отец-Волк, но его глаза были очень злы, – Что нужно Шер-Хану?

– Мою добычу! Сюда только что вошёл медвежонок! – сказал Шер Хан, – Его родители сбежали! Отдай его мне!

Как сказал Отец-Волк, Шер-Хан прыгнул в костёр дровосека и был в бешенстве от боли в обожженных ногах. Но Отец-Волк знал, что вход в пещеру слишком узок, чтобы Тигр мог протиснуться внутрь. Даже там, где он стоял, плечи и передние лапы Шер-Хана были сильно стеснены тесны сводами, как у человека, который пытается сражаться в бочке.

– Волки – Свободный Народ! – сказал Отец-Волк, – Они получают приказы от Главы Стаи, а не от полосатых Потрошителей ручного скота! Детеныш этого человека – наш, и только у нас есть право его убить, если мы захотим этого!

– Они захотят, они не захотят! Они соизволят! Они не соизволят! Что за разговорчики такие? Клянусь убитыми мной быками, моё ли это дело – стоять в твоей собачьей конуре и вымаливать то, что принадлежит мне по праву? Это я, Шер-Хан, Я, говорю тебе!

Громовой рык Тигра прозвучал в пещере. Мать-Волчица отряхнулась от детенышей и бросилась вперед. Ее глаза, как две зеленые Луны вперились из темноты в пылающие огнём глаза Шер-Хана.

– И это я, Ракша-Демон, отвечаю. Этот человеческий детеныш мой, знай, ты, мерзкий Хромоножка! Мой! И он у меня! Он под моей защитой! Он будет жить вместе сомной, вместе со всей Стаей и охотиться со Стаей, и в конце концов, смотри, храбрый охотник на маленьких голых детенышей – пожиратель жаб – убийца пиявок – рано или поздно он начнёт свою охоту и на тебя! А теперь убирайся отсюда, или, клянусь Самбуром, которого я убила (а ты хорошо знаешь, что я не ем падали), возвращайся к своей матери, подпаленный рабами повелитель джунглей, еще более жалкий, чем кто-либо когда-либо где-нибудь! Убирайся! Пшёл!

Отец-Волк посмотрел на неё с изумлением. Он почти забыл те счастливые дни, когда завоевал любовь Матери-Волчицы в честной схватке с пятью другими волками, когда она бегала в стае, и никто бы не осмелился называть её Демоном только ради светского комплимента. Возможно, Шер-Хан и столкнулся бы с Отцом-Волком, но он не мог противостоять Матери-Волчице, так как знал, что там, где он находится, она имеет все преимущества, и будет сражаться до смерти. Поэтому он попятился из пещеры, рыча, и когда вылез из неё, завыл:

– Каждая собака лает в своем подворье! Посмотрим, что скажет Стая по поводу воспитания медвежат в волчьей стае! Детеныш мой, и в конце концов мои клыки доберутся до него, слышите вы, мелкие хвостатые воришки дохлых мышей?

Тяжело дыша, Мать-Волчица бросилась к своим волчатам, а Отец-Волк серьезно сказал ей:

– Шер-Хан говорит правду! Волчонок должен быть показан Стае! Ты все еще хочешь оставить его себе, мать?

– Хочу ли я! – она ахнула, – Ночью он пришел голый, один-одинёшенек и очень голодный, но он не испугался! Смотри, он уже отодвинул одну из моих малышек в сторону! И этот хромой мясник хотел убить его и сбежать к Вайнгунге в то время как местные жители мстили бы нам и сносили бы наши логова! Хочу ли я оставить его себе? Конечно, я оставлю его себе! Лежи спокойно, лягушонок! Он – Маугли! Я буду звать тебя – Лягушонок Маугли, и придет время, когда ты рассчитаешься с Шер-Ханом, ты будешь охотиться на Шер-Хана, как он охотился сегодня на тебя!

– Но что скажет наша стая? – спросил тогда Отец-Волк.

Закон Джунглей очень четко гласил, что любой Волк может, когда женится, уйти из стаи, к которой принадлежит. Но как только его детеныши подрастут и встанут на ноги, он должен привести их на Совет Стаи, который обычно проводится раз в месяц в Полнолуние, чтобы другие волки могли признать их. После этого малые волчата могут свободно бегать, куда им заблагорассудится. И если тогда взрослый волк убьёт одного из них, нет ему прощения! Тогда наказание для убийцы – смерть, и если вы задумаетесь на минуту, то увидите, что это и должно быть так!

Отец-Волк дождался, пока его детеныши не научились бегать, а затем ночью отвел их и Маугли на Совет Стаи, и Мать Волчицу тоже отвёл к Скале Совета – вершине холма, покрытой большими камнями и валунами, где легко могли спрятаться сотни зрелых волков. Акела, большой серый волк-одиночка, который управлял всей стаей силой и хитростью, лежал на своем камне, вытянувшись во всю длину, а под ним сидели сорок или более того Волков всех размеров и расцветок, от ветеранов барсучьего цвета, которые могли справиться с оленем в одиночку, до молодых черных трехлетних детёнышей, которые думали, что могут повторить его подвиг. Одиноким волк вел их уже почти целый год. В молодости он дважды попадал в волчью ловушку, а однажды был пойман, избит и оставлен умирать; так что он хорошо знал нравы и обычаи двуногих людей. У скалы было очень мало разговоров. Детеныши кувыркались друг с другом в центре круга, где сидели их матери и отцы, и время от времени старший волк тихо

подходил к детенышу, внимательно смотрел на него и бесшумно возвращался на свое место. Иногда мать выталкивала своего детеныша в полосу лунного света, чтобы убедиться, что его не проглядели. Акела со своей скалы кричал:

– Вы знаете Закон! Вы знаете Закон! Смотрите внимательно, о, волки! Смотрите внимательно!

И встревоженные матери отвечали на зов:

– Смотрите – смотрите, о, волки!

Наконец – и щетина на шее матери волчицы поднялась, когда пришло время – Отец-Волк толкнул Лягушонка Маугли, как они его называли, в центр, где он сидел, смеясь и играя с камешками, которые блестели и искрились в лунном свете.

Акела, никогда не поднимавший головы с лап, продолжал монотонно кричать:

– Смотрите хорошо! О, Волки! Смотрите хорошо!

Из-за скал донесся приглушенный рёв – там бесновался Шер-Хан:

– Детеныш мой! Отдай его мне! Какое отношение Свободные Волки имеют к детёнышу человека?

Акела даже не пошевелил ушами. Он сказал:

– Смотрите же хорошо, о, Волки! Какое отношение Свободный Народ имеет к приказам любого, кроме приказов Свободного Народа? Смотрите хорошо!

Раздался целый хор громких рыков, и молодой волк на четвертом году жизни вышел вперёд и повторил Акеле вопрос Шер-Хана:

«Какое отношение свободный народ имеет к детенышу человека?»

Так вот, Закон Джунглей гласит, что если есть какой-либо спор относительно права детеныша быть принятым стаей, то за него должны высказаться по крайней мере два члена стаи, которые не являются его отцом и матерью.

– Кто будет говорить от имени этого детеныша? – сказал Акела, – Кто из свободного племени за принятие его в стаю? Ответа не последовало, и Мать Волчица приготовилась к тому, что, как она знала, будет её самой последней в жизни битвой, если дело дойдет до драки.

Тогда единственное другое существо, не волк, которому разрешено присутствовать на Совете Стаи – Балу, сонный Бурый Медведь, призванный учить волчат Закону Джунглей, старый Балу, который может приходить и уходить на Совет Стаи, когда ему заблагорассудится, потому что он ест только орехи и корни, и мёд – поднялся на задние лапы и хрюкнул.

– Детеныш волка – детеныш человека? – сказал он, – Я отдаю свой голос за детёныша человека! В людских детёнышах нет вреда! У меня нет дара слова, но я говорю вам правду! Пусть он будет со Стаей, и пусть войдет в неё вместе с остальными Волками! Я сам буду его учить!

– Нам нужен ещё один голос! – сказал Акела, – Балу сказал своё слово, а он учитель у наших детёнышей! Кто скажет слово, кроме Балу?

Черная тень упала в круг. Это была Багира, Чёрная Пантера, блестящая, вся смоляная, траурная, как вдова, с головы до пят в чёрном облачении, с рисунком на шкуре, видимым на свету, как легкий узор на погребальном муаре. Все знали Багиру, и никто не мог осмелиться пресечь ей дорогу, потому что она была хитра, как Табаки, смела, как Дикий Буйвол, и безрассудна, как раненый Слон. Но голос у неё был мягкий, как дикий пчелиный мед, капающий из сот высокого дерева, и кожа нежнее пуха птенца!

– О, Акела, и вы, свободные Дети Джунглей, – промурлыкала она, – я не имею права голоса на вашем уважаемом собрании, но Закон Джунглей гласит, что если есть сомнение, которое не является убийственным вопросом в отношении нового детёныша, жизнь этого детёныша можно выкупить по некой цене. И в Законе не говорится, кто может или кто не может заплатить эту цену. Я права?

– Права! Права! – завывали молодые волки, которые были всегда голодны, – Слушайте Багиру! Детёныша можно выкупить по хорошей цене! Это закон! Закон!

– Зная, что я не имею права говорить здесь, я прошу вашего разрешения на это!

– Говори! Говори сейчас же! – закричал двадцать голосов.

– Убивать голого детёныша – это позорная низость! Кроме того, он может нам пригодиться, когда вырастет! Балу говорил от его имени. Теперь к слову Балу я добавлю одного жирного, недавно убитого буйвола, который спрятан в полумиле отсюда, если вы примете этого детёныша в соответствии с Законом в стаю. Это сложно?

Было множество голосов, спорящих между собой:

– Что бояться? В чём проблема? Он умрет в зимние дожди! Он сгорит на солнце! Какой вред может принести нам голая глупая лягушка? Пусть он бежит в составе стаи! Где бык, Багира? Пусть его примут!

А потом громко завывал Акела:

– Хорошо смотрите! Хорошо смотрите, о, Волки!

Маугли по-прежнему был углублён в свои камешки, и даже не заметил, как подошли волки, и каждый из них внимательно обнюхал и осмотрел его! Наконец они все спустились с холма и отправились за мертвым буйволом, и остались только Акела, Багира, Балу и Маугли. Шер-Хан ревел всю ночь, потому что он был очень зол, что Маугли не был передан ему.

– Рычи громче! – сказала Багира в усы, – Придет время, когда эта голая пигалица заставит тебя реветь в другой тональности, или я ничего не знаю о людях!

– Это было хорошо сказано! – молвил Акела, – Мужчины и их детёныши очень мудры! В своё время он будет нам очень полезен!

– Действительно, он может помочь нам во время нужды! Никто не может надеяться на то, чтобы ему удалось вести Стаю вечно! – сказал Багира.

Акела ничего не ответил. Он думал о том времени, какое приходит к каждому вожаку каждой стаи, когда сила рано или поздно покидает его, и он становится все слабее и слабее, пока, наконец, его не убьют Волки его родной Стаи, и не придет новый вожак, чтобы быть убитым в свою очередь, когда придёт его час.

– Уведите его, – сказал Акела Отцу Волку, – и обучите его всему, как и полагается любому члену Свободного Народа!

Именно так Маугли был включен в Сионийскую Стаю волков по цене быка и по доброй рекомендации мудрого Медведя Балу.

Теперь мы должны удовольствоваться тем, что нам придётся пропустить десять или одиннадцать лет, и только догадываться о той замечательной, полной приключений жизни, которую все эти годы Маугли вел среди волков, потому что, если бы она была написана, она заполнила бы очень много книг. Он рос вместе с детёнышами, хотя они, конечно, выросли волками еще до того, как он стал ребенком. И Отец-Волк учил его своему волчьему делу, обучал Законам Джунглей, пока наконец любой шорох в траве, любое дуновение теплого ночного воздуха над головой, любой крик совы в ночном небе, любой скрип коготка летучей мыши, приземляющейся на дерево, любой всплеск самой тихой, осторожной рыбы в озере не стали понятны ему и значили для него столь же много, как счёты в офисе делового человека. Когда он не учился, он сидел на Солнце, спал, ел и снова спал. Когда он чувствовал себя грязным, когда ему становилось жарко, он плавал в лесных бассейнах, и когда ему хотелось меда (Балу сказал ему, что мед и орехи так же вкусны, как сырое мясо), он взбирался на дерево, и Багира показывала ему, как это делается.

Багира лежала на ветке и звала его: «Иди сюда, братишка!», и поначалу Маугли цеплялся к ветвям, как ленивец, но потом научился бросаться через ветви почти так же смело, как обычная Серая Обезьяна. Скоро он даже занял свое место на Скале Совета, и когда Стая собиралась в полном составе, он обнаружил, что если он начинает пристально смотреть в глаза любого

волка, волк всегда принуждён опустить глаза, и поэтому он смотрел в глаза волкам с большим удовольствием. В другое время он выковыривал длинные занозы из подушек лап своих друзей, потому что волки ужасно страдали от заноз, шипов и заусенцев в их шкурах. Ночью он спускался по склону холма в возделанные крестьянами земли, и с любопытством разглядывал деревенских жителей в их хижинах, но не доверял людям, потому что Багира показала ему квадратную коробку с железными воротами, так хитро спрятанную в джунглях, что он чуть не вошел в нее, и сказала, что это ловушка, и в ней сидит Смерть. Больше всего на свете он любил шествовать с Багирой в темноте, любил жаркое сердце леса, любил спать там весь сонный день, а ночью смотреть, как Багира охотится и убивает свою добычу. Багира убивала всё на своём пути, направо и налево, когда чувствовала голод, и Маугли тоже – за одним исключением. Как только он стал достаточно взрослым, чтобы понимать некоторые вещи, Багира сказала ему, что он никогда не должен касаться людского скота, потому что он был куплен в Стаю ценой жизни быка.

– Все Джунгли твои, – говорила Багира, – и ты можешь убивать всё, что в твоих силах, но ради быка, который купил тебя, я прошу тебя, ты никогда не должен убивать или есть ручной скот, молодой или старый! Таков Закон Джунглей!

И Маугли свято повиновался ей.

И он рос и рос сильным мальчиком, как должен расти тот, кому не нужно целый день напролёт учить уроки, и кто не должен думать ни о чём, кроме еды!

Мать-Волчица много раз говорила ему, что Шер-Хану нельзя доверять, и что однажды он должен убить Шер-Хана. Но хотя молодой волк помнил бы этот совет каждый час, Маугли сразу забыл его, потому что он был всего лишь маленьким мальчиком – хотя он, разумеется, назвал бы себя волком, если бы мог говорить на любом человеческом языке.

Шер-Хан всегда переходил его дорогу в Джунглях, потому что по мере того, как Акела становился старше и слабел, Хромой Тигр стал потихоньку большим другом молодых волков Стаи, которые следовали за ним в надежде на жирные объедки, чего Акела никогда бы не позволил, если бы осмелился вернуть свою власть к надлежащим границам. Тогда Шер-Хан всё время льстил им и удивлялся, что такие прекрасные молодые охотники довольствуются тем, что их ведут умирающий волк и детеныш человека.

– Мне говорят, – твердил им Шер-Хан, – что даже на Совете вы не смеее смотреть ему в глаза?

И молодые волки рычали и ощеривались.

Багира, у которой повсюду были глаза и уши, кое-что знала об этом заговоре, и раз или два она отчитала Маугли и сказала ему много грозных слов, что Шер Хан когда-нибудь убьет его. Маугли смеялся и отвечал:

– У меня есть Стая, и у меня есть Ты, и Балу, и хоть он и ленив, он сможет нанести удар или два ради меня. Почему я должен кого-то бояться?

В один очень теплый, ясный летний день у Багиры появилось новое представление о том, как сделать так, чтобы Маугли наконец услышал её. Возможно, Дикобраз Икки предупредил её об этом, но когда они были в Джунглях, и мальчик лежал, положив голову на красивую черную, блестящую шкуру Багиры, она сказала ему:

– Маленький братик, часто ли я говорила тебе, что Шер-Хан – твой лютой враг?

– Столько раз, сколько орехов на моей ладошке! – сказал Маугли, который, естественно, совсем не мог считать, – Ну и что из того? Я засыпаю, я хочу спать, Багира, а у Шер-Хана есть только длинный хвост, и он так же громко ругается, как Мао, грозный Павлин!

– Нет, сейчас не время для сна! Балу знает это! Я знаю это! Стая знает это! И даже самый глупый, самый дурной олень знает! Табаки тебе тоже сказал об этом?

– Хо! Хо! – сказал Маугли, – Не так давно Табаки пришел ко мне с грубыми словами, что я голый мужской детеныш и не гоюсь даже копать сладкие свиные орешки. Но я поймал Табаки за хвост и дважды ударил его о пальму, чтобы он научился хорошим манерам!

– Это было глупо, потому что, хотя Табаки и был интриганом, он все равно рассказал бы тебе о том, что тебя бы очень взволновало! Открой глаза, братишка! Шер-Хан не смеет убить тебя в Джунглях! Кишка тонка! Но помни, Акела очень стар, и скоро придет день, когда он не сможет убить своего оленя, промахнется на охоте, и тогда он больше не будет Вождём Стаи! Многие из волков, которые смотрели на тебя, когда ты впервые пришел на Совет, тоже стары, и молодые волки уверены, как подучил их Шер-Хан, что детенышу нет места в стае! Через некоторое время ты станешь настоящим мужчиной!

– А что такое человек, который не может бежать рядом со своими братьями? – сказал Маугли, – Я родился в Джунглях! Я всегда повиновался Закону Джунглей, и нет ни одного нашего волка, из лап которого бы я не вытащил колючку! Воистину, они мои Братья!

Багира растянулась во весь рост, и устало прикрыла глаза.

– Братишка! – сказала она, – Почеши мне шею, вот здесь, под челюстью!

Маугли поднял свою сильную загорелую руку, и прямо под шелковистым подбородком Багиры, где гигантские перекачивающиеся мышцы были скрыты блестящей шкурой, он наткнулся на маленькую проплешину.

– Никто в Джунглях не знает, что я, Багира, ношу этот знак – это след от человеческого ошейника, знай, братишка, я тоже родилась среди людей, и именно среди людей умерла моя мать – в клетках королевского дворца в Удейпуре. Именно поэтому я заплатила за тебя на Совете, когда ты был маленьким голым щенком. Да, я тоже родилась среди людей. До того Я никогда не видела Джунглей. Они кормили меня за решеткой из железной кастрюли, пока однажды ночью я не почувствовала себя Багирой – Пантерой – и – больше ничьей игрушкой, и тогда одним ударом лапы я сломала их глупые замки и ушла оттуда. И поскольку я научилась человеческим обычаям и языку, я знаю, что в Джунглях нет ничего страшнее для Шер-Хана, чем Багира из Удейпура. Не так ли?

– Да, – сказал Маугли, – все в Джунглях боятся Багиры, все, кроме Маугли!

– О, ты мой человеческий детеныш! – ласково сказала Черная Кошка, – И как я однажды вернулась в Джунгли, так и ты должен вернуться к людям, к людям, которые все твои братья – если ты не хочешь быть убитым на Совете!

– Но зачем – зачем кому-то убивать меня? – спросил Маугли.

– Посмотри на меня! – сказала Багира.

Маугли пристально посмотрел ей прямо в глаза. Большая Пантера отвернулась через полминуты.

– Вот почему! – сказала она, сложив лапы на сухие листья, – Даже я не могу смотреть тебе в глаза, а я ведь родилась среди людей, и я люблю тебя, братишка! Другие ненавидят тебя за то, что глаза их не могут встретиться с твоими, за то, что ты мудр, за то, что ты вырывал шипы из их ног – за то, что ты – Человек!

– Я ничего этого не знал! – угрюмо сказал Маугли, и его густые черные брови сошлись на переносице от гнева.

– Что такое Закон Джунглей? Сначала ударь, а потом скажи слово! По твоей беспечности они знают, что ты человек! Но будь мудрым! В моем сердце, когда Акела наконец промахнется – а каждая новая охота обходится ему всё дороже – стая обернется против него и против тебя. Они проведут Совет Джунглей у скалы, и тогда... тогда... – Я знаю, что нам надо делать! – сказала Багира, вскакивая, – Быстро спускайся к хижинам людей в долине и возьми немного Красного Цветка, который они там выращивают, чтобы, когда придет время, у тебя был еще более сильный друг, чем я, или Балу или те из стаи, которые любят тебя! Добудь Красный Цветок! Я говорю!

Под Красным Цветком Багира, разумеется, подразумевала огонь, ибо ни одно существо в Джунглях не назовет огонь его собственным именем. Каждый зверь живет в смертельном страхе перед Красным Цветком и изобретает сотни способов его описания.

– Красный Цветок? – сказал Маугли, – Тот, что растет у их хижин в сумерках? Я возьму его совсем немного!

– В тебе живёт настоящий лев – Царь Зверей! – гордо сказала Багира, – Помни, что Красный Цветок растет в маленьких горшках. Схвати один быстро и держи его около себя пока он не понадобится нам!

– Хорошо! – сказал Маугли, – Я иду! Но уверена ли ты, о, моя любимая Багира, – он обнял великолепную шею и заглянул глубоко в её большие глаза, – уверена ли ты, что все это дело рук Шер-Хана?»

– Клянусь сломанным замком, который освободил меня в Удейпуре, братишка!

– Тогда, клянусь выкупившим меня быком, я заплачу Шер-Хану за это сполна, и, может быть, он получит даже немного больше! – сказал Маугли и умчался прочь.

– Это настоящий мужчина! Вот настоящий человек! – сказала Багира себе, снова ложась, – О, Шер Хан, еще десять лет назад не было охоты чернее, чем охота на лягушек!

Маугли бежал всё дальше и дальше через лес, и сердце его неистово колотилось в его горячей груди. Когда взмыл вечерний туман, он подошел к пещере, затаил дыхание и посмотрел на долину. Детёнышей не было дома, но Мать-Волчица в глубине пещеры по его тихому дыханию поняла, что её Лягушонок чем-то обеспокоен.

– Что случилось, сынок? – спросила его Мать.

– Какая-то летучая мышь рассказала мне всё о Шер-Хане! – отозвался он, – Сегодня ночью я охочусь среди вспаханных полей!

И он нырнул вниз и устремился через кусты к ручью на дне долины. Там он на мгновение замер, потому что услышал крик охотящейся Стаи, услышал рев преследуемого Самбхура и фыркание, когда самец отвернулся. Потом раздались злые, горькие вопли молодых волков:

– Акела! Акела! Пусть Одинокый волк покажет свою силу! Место для лидера стаи! Весна, Акела!

Одинокый волк, должно быть, прыгнул и промахнулся, потому что Маугли услышал шелчок его зубов, а затем визг, когда Самбхур сбил его с ног.

Он больше ничего не ждал, но тут же бросился дальше, и вскоре крики стали слабеть позади него, и когда он выбежал на пахотные земли, где жили жители деревни, не стали слышны совсем.

– Багира говорила правду, – подумал он, тяжело дыша, когда притаился под окном хижины, – Завтра будет главный день для Акелы и для меня!

Затем он прижался лицом к окну и стал наблюдать за огнем в очаге. Он видел, как жена земледельца встала и кормила его всю ночь маленькими черными комочками. И когда наступило утро, и туман стал белым и холодным, он увидел, как дитя этого человека подняло плетеный горшок, обмазанный землей, наполнило его кусками раскаленного угля, положило его под одеяло и вышло ухаживать за коровами в загоне.

– И это все? – сказал себе Маугли, – Если детеныш может это сделать, значит, и мне бояться нечего!

Он вышел из-за угла, встретился с мальчиком, взял горшок из его рук и скрылся в тумане, а мальчик взвыл от страха.

– Они очень похожи на меня! – сказал себе Маугли, дуя в горшок, как это сделала женщина, – Эта штука умрет, если я не дам ей поесть! – и он уронил веточки и высушенную кору на тлеющие красные угли. На полпути к вершине холма он встретил Багиру, на шкуре которой утренняя роса сияла, как отмытые водой лунные камни.

– Акела промахнулся! – сказала Пантера, – Они убили бы его уже прошлой ночью, но ты им тоже нужен! Они рыскали тебя по всему лесу и на холме!

– Я был среди вспаханных земель! Я готов. Смотри! Маугли поднял крышку котелка и показал его содержимое Багире.

– Хорошо! Я видела, как люди засовывали в эту штуку сухую ветку, и вскоре на ее конце расцветал Красный Цветок. Ты не боишься?

– Нет! Почему я должен бояться? Теперь я вспоминаю – если это не сон, как до того, когда я стал волком, я лежал рядом с Красным Цветком, и мне было тепло и приятно!

Весь день Маугли сидел в пещере, ухаживая за своим котелком и макая в него сухие ветки, чтобы посмотреть, что будет. Он нашел ветку, которая удовлетворила его, и вечером, когда Табаки пришел в пещеру и сказал ему достаточно грубо, что он нужен на Скале Совета, он засмеялся, пока Табаки не убежал, весь перекосившись от ярости. Тогда Маугли отправился на Совет, все еще посмеиваясь про себя.

Одиноким волк Акела лежал у скалы в знак того, место вожака Стаи открыто, и Шер-Хан Со своими волками, которых он подкармливал, ходил взад и вперед, откровенно бахвалясь своей силой. Багира лежала рядом с Маугли, а котелок с Красным Цветком был зажат между колен Маугли. Когда они все собрались вместе, Шер-Хан начал говорить – то, что он никогда бы не осмелился сделать, когда Акела был в расцвете сил.

– Он не имеет права, – прошептала Багира, – ...так говорить! Он сын пса! Пугливая мерзкая тварь!

Маугли вскочил на ноги.

– Свободный Народ! – крикнул он, – Неужели вы хотите доверить стаю Шеру-Хану? Какое отношение Тигр имеет к руководству нашей Стаи?

– Видя, что пост вождя Стаи открыт, и так как я испрошен говорить... – начал Шер-Хан.

– Кем? – крикнул Маугли, – Неужели мы все здесь шакалы, чтобы охотиться и добывать мясо этому убийце домашнего скота? Руководство Стаи принадлежит только Стае!

Раздались крики:

– Тише, ты, детеныш человеческий!

– Пусть говорит. Он соблюдает наш Закон!

И наконец возгласили Старшины Стаи, и загремели:

– Пусть скажет Мёртвый Волк!

Когда Лидер Стаи упускает свою жертву, его называют Мертвым Волком, пока он остаётся жив, что никогда не длится долго. Акела устало поднял свою старую седую голову:

– Свободный Народ, и вы тоже, шакалы Шер-Хана, я в течение двенадцати зим вел вас на охоту и с охоты, и за все это время ни один из вас не был пойман в капкан или покалечен. Теперь я промахнулся! Вы знаете, как был задуман этот заговор! Вы знаете, как вы довели меня, привели к этому крепкому Самбхуру, чтобы показать мою слабость. Это было сделано умно. Я не спорю! Ваше право сейчас убить меня здесь, на Скале Совета. Поэтому я спрашиваю, кто выйдет, чтобы покончить с Одиноким Волком? Ибо по закону Джунглей я имею право, чтобы вы выходили на битву один за другим!

Воцарилось долгое молчание, потому что ни один Волк не хотел сражаться с Акелой до смерти. Тогда Шер-Хан зарычал:

– Ба! Что нам делать с этим беззубым дураком? Он обречен на смерть! Эта тварь жила слишком долго! Свободный Народ, он должен был быть моим мясом с первого раза! Отдайте его мне! Я устал от глупости этого Человека-Волка! Он беспокоил Джунгли в течение десяти сезонов! Дайте мне детеныша, или я буду охотиться здесь всегда, и не дам вам ни одной мозговой кости! Он мужчина, ребенок мужского пола, и я ненавижу его до мозга костей!

– Он мужик, мужик! Настоящий мужик! – прорычала Стая. И большинство волков стали собираться вокруг Шер-Хана, чей хвост метался туда-сюда от возбуждения.

Тогда более половины Стаи закричала:

– Мужик! Самец! Какое отношение имеет этот человек к нам? Гнать его назад, на его родину!

– И обратить против нас всех жителей деревень? – крикнул Шер Хан, – Нет-нет, отдайте его мне! Он человек, и никто из нас не сможет смотреть ему в глаза!

Акела снова поднял голову и сказал:

– Он ел вместе с нами нашу еду! Он спал с нами! Он устраивал охоту для нас! Он не нарушил ни одного слова Закона Джунглей!

– Кроме того, я заплатила за него быком, когда он был принят! Ценность быка невелика, но за честь Багиры он, возможно, стоит! – сказал Багира своим нежным голосом.

– Бык заплачен десять лет назад! – рявкнула Стая, – Зачем нам кости, которым десять лет?

– Зачем вам честь? – сказала Багира, обнажив свои белоснежные зубы в звериной улыбке, – И вы ещё называетесь Свободным Народом?!

– Ни один человек не должен бегать вместе с Народом Джунглей! – завопил Шер-Хан, – Дайте его мне! Сейчас же!

– Он наш брат во всем, кроме крови, – продолжал Акела, – и вы готовы убить его здесь? По правде говоря, вы правы, я жил слишком долго! Некоторые из вас едят ручной скот, а о других я слышал, что по наущению Шер-Хана вы крадётесь темной ночью и берёте детей у порога села. Поэтому я знаю, что вы трусы, и я говорю сейчас трусам. Я уверен, что я должен умереть, и моя жизнь ничего не стоит, иначе я бы предложил это место детёнышу Человека. Но ради Чести Стаи, о которой без вожака вы стали забывать – я обещаю, что если вы позволите детёнышу отправиться на свою родину, я не буду, когда придет время умирать, обнажать хотя бы один зуб против вас. Я умру без боя! Это, по крайней мере, сохранит Стае три жизни. Больше я ничего не могу сделать, но, если вы захотите, я могу спасти вас от стыда за убийство своего брата, у которого нет вины пред вами – за брата, который говорил правду и вступил в Стаю в соответствии с Законом Джунглей!

– Он человек! Он мужчина! – прорычала Стая. И большинство Волков начали собираться вокруг Шер-Хана, чей хвост теперь ходил ходуном.

– Теперь всё в твоих руках! – сказал Багира Маугли, – Нам не осталось ничего другого, кроме как сражаться!

Маугли стоял прямо, широко расставив ноги, – Красный Цветок в руках. Затем он вытянул руки и нагло зевнул перед лицом Совета. Он был в великой ярости, в ярости и печали, потому что эти Волки никогда не говорили ему, как ненавидят его.

– Эй вы! Поедатели мышей! Слушайте меня! – закричал он, – Кончайте свою пустую собачью болтовню! Прекратите собачий визг! Вы так часто говорили мне сегодня вечером, что я мужчина (и действительно, я готов был быть Волком и жить с вами до конца моих дней), что я чувствую, что ваши слова верны! Поэтому я больше не называю вас моими братьями, но называю мерзкими собаками, как должен был звать вас человек! То, что вы будете делать, и что вы не будете делать, это не моё дело! Вот моё дело, и чтобы вы могли видеть дело более ясно, я, человек, принес сюда немного Красного Цветка, которого вы, подлые собаки, боитесь!

Он бросил горшок с огнем на землю, и некоторые из красных углей зажгли пучок сухого мха, который мгновенно вспыхнул, и весь Совет в ужасе отпрыгнул перед дёргающимся перед ними языками пламени. Потом Маугли сунул сухую ветвь в огонь, и выждав, пока ветки не засветились и не потрескивали, закружил ее над головой среди сжимающих вокруг него круг Волков.

– Ты – бог! – сказала Багира вполголоса, – Спаси Акелу от смерти! Он всегда был твоим другом!

Акела, мрачный старый волк, который никогда в жизни не просил ни у кого пощады, бросил жалкий взгляд на Маугли. Мальчик стоял полностью обнаженным, и его длинные черные волосы падали ему на плечи в свете пылающей ветви, которая заставляла тени прыгать и дрожать.

– Хорошо! – сказал Маугли, медленно оглядываясь, – Я вижу, что вы – собаки! Я уйду от вас к своим людям – если они захотят быть моими людьми. Джунгли теперь навсегда закрыты для меня, и я должен забыть волчий язык и моё общение с вами. Но я буду более милостив, чем вы! Поскольку я был вам братом во всём, кроме крови, я обещаю, что, когда я стану мужчиной среди мужчин, я не предаю вам мужчинам, как вы предали меня!

Он пнул огонь ногой, и искры взлетели вверх.

– Между нами не должно быть войны! Но вот долг, который я должен заплатить вам, прежде чем я уйду навсегда.

Он подошел к тому месту, где Шер-Хан сидел, тупо моргая глазами перед пламенем, и схватил его за пучок волос на бороде. На всякий случай Багира последовала за ним.

– Встань, собака! – приказал Маугли, – Встань, когда с тобой говорит Человек, или я подпалю твою вонючую шкуру!

Уши Шер-Хана лежали крепко прижатые к спине, и он закрыл глаза, потому что пылающая ветвь была очень близко.

– Этот головорез ручного скота сказал, что убьет меня в Совете, потому что он не убил меня, когда я был детенышем! Вот так, вот так мы поступаем с собаками, когда становимся людьми! Только пошевели усом, Хромоножка, и я набыю твою глотку расцветшим Красным Цветком!

Он ударил Шера-Хана по голове пылающей веткой, и Тигр скулил и выл в агонии страха.

– Тьфу! Опаленный кот джунглей – вон отсюда! Но помни, когда в следующий раз я приду на Скалу Совета, как должен был прийти человек, я буду со шкурой Шер-Хана на голове! В остальном Акела может жить свободно, как ему заблагорассудится! Вы не убьете его, потому что это не моя воля! Я также не думаю, что вы будете здесь сидеть, разглагольствуя своими длинными языками, как если бы вы были кем-то, а не простыми грязными собаками, которых я выгнал – так! Пошли прочь, уличные псы!

На конце ветки яростно пылал огонь, и Маугли стал бить ей направо и налево по кругу, и волки взвились от искр, сжигающих их шкуры. В конце концов только Акела, Багира и, возможно, десять волков остались на холме около Маугли. Затем что-то начало болеть у Маугли внутри, что-то жгло его, так, как он никогда жизни не болело и не жгло раньше, и у него перехватило дыхание, он зарыдал, и отчаянные слёзы текли по его лицу.

– Что это? Что это? Я не хочу покидать Джунгли и не знаю, что это такое. Я умираю, Багира?

– Нет, мой маленький брат! Это только слезы, которые бывают у настоящих мужчин! – сказал Багира, – Теперь я знаю, что ты человек, а волка больше нет. Отныне Джунгли закрыты для тебя! Пусть они прольются, Маугли! Это всего лишь слезы!

Поэтому Маугли сидел и плакал, как будто его сердце разрывалось, и он никогда не плакал за всю свою жизнь.

– Теперь, – сказал он, – я пойду к людям! Но сначала я должен попрощаться с моей матерью!

И он пошел в пещеру, где она жила с отцом Волком, и его слёзы капали на её шкуру, пока четыре детёныша плакали горестно рядом.

– Вы не забудете меня? – спросил Маугли.

– Никогда, пока мы сможем брать след! – сказали детёныши, – Когда ты станешь человеком приходи иногда к подножию холма, и мы, мы будем ждать тебя, мы будем говорить с тобой, и мы пойдем в пахотные земли, чтобы поиграть с тобой ночью!

– Возвращайся скорей! – сказал Отец-Волк, – О, мой маленький мудрый лягушонок, возвращайся скорее, ибо мы стары, твоя мать и я!

– Вернись скорей к нам! – сказала Мать-Волчица, – мой маленький голый сынок! Слушай, дитя человеческое, я любила тебя больше, чем люблю своих детенышей!

– Я обязательно вернусь! – сказал Маугли, и когда я вернусь, я вернусь только для того, чтобы выдернуть Шер-Хана на Скалу Совета. Не забывают меня! Скажи всем в Джунглях, чтобы они никогда не забывали меня!

Рассвет только начинался, когда Маугли стал спускаться по склону вниз, один, чтобы встретиться с теми загадочными созданиями, которые зовутся людьми.

Охота Каа

Пятнышки – честь леопарда!
У Буффало в чести рога!
Будьте чисты каждым ярдом!
Охота должна быть чиста!
Если станет известно,
Что бык может бок распороть,
Не отвлекайся, ведь честно,
Об этом знает Господь.
Видя детей незнакомца,
Братом, сестрой их сочти,
Ибо они дети Солнца,
И дети медведя в пути!
– Я самый прекрасный в мире! —
Скажет, убив, ученик!
Джунгли такие большие!
Прости же волчонка в тот миг!

Всё, о чём здесь рассказывается, произошло за некоторое время до того, как Маугли был изгнан из Сионийской Волчьей Стаи и отомстил Тигру Шер-Хану. Это было в те дни, когда Балу учил его Закону Джунглей. Большой, серьёзный, старый Бурый Медведь был рад, что у него такой смыслённый ученик, потому что юные Волки изучают Закон Джунглей лишь до тех пор, когда это нужно им в их стае и племени, и сразу убегают, как только смогут повторить первые строфы Охотничьего Стиха —

«Ноги, которые здесь не шумят,
Наши глаза, что глядят в темноте,
Уши, в которых лишь ветры поют,
Острые белые зубы —
Все это признаки Братьев Твоих,
Кроме Табаки-Шакала, гиен,
Коиx мы все ненавидим!»

Но Маугли, как человек-новичок, должен был учиться великому делу лучше, чем они. Иногда Багира, Черная Пантера, бездельничала в Джунглях, и чтобы посмотреть, как поживает её питомец, мурлыкая, она тёрлась головой о дерево, в то время как Маугли рассказывал дневной урок учителю – Медведю Балу. Мальчик мог карабкаться на деревья так же хорошо, как плавать, и плавал столь же искусно, как бегал. Итак, Балу, Учитель Закона, учил его Законам Древа и Воды: как отличить гнилую ветвь от здоровой, как вежливо разговаривать с Дикими Пчелами, когда он наткнётся на их улей в пятидесяти футах над землей, что сказать Летучей Мыши Мангу, когда ему выпадет побеспокоить её в ветвях в полдень, и как предупредить о своём появлении Водяных Змей в бассейнах, прежде чем он может плюхнуться между ними. Ни одному из жителей Джунглей не нравится, когда их беспокоят, и все они всегда готовы обрушиться на любого нарушителя покоя. Затем Маугли также обучили охотничьим крикам пришельцев, которые должны повторяться, пока на них не будет получен ответ, всякий раз, когда охотник из Джунглей охотится за пределами своей территории. В переводе это звучит так:

«Дайте мне пройти, чтобы охотиться здесь, потому что я голоден!»

И ответ таков:

«Можешь охотиться здесь только ради еды, но никогда не ради удовольствия!»

Все это покажется вам странным, сколько Маугли должен был выучить наизусть, и он очень устал повторять одно и то же по множеству раз. Но, как сказал Балу Багире, однажды, когда Маугли был бит и сбежал от Балу в гневе:

– Детеныш – это зверёк, и он должен вызубрить весь Закон Джунглей наизусть!

– Но, Балу, подумай, какой он маленький! – сказала Черная Пантера, которая, будь её воля, баловала бы Маугли так, как никто, – Как его маленькая голова может вынести все твои долгие бредни и премудрости?

– Есть ли что-нибудь в Джунглях слишком маленькое и нежное, чтобы не быть убитым? Нет! Вот почему я учу его этим вещам, и именно поэтому я бью его, очень нежно, когда он забывает, что нужно слушать меня!

– Нежно?! Что знают о нежности твои старые железные когти? – хмыкнула Багира, – Его лицо сегодня всё в синяках от твоей нежности! Тьфу на тебя!

– Лучше он будет побит с ног до головы теми, кто любит его, чем погибнет потом по доверчивости и невежеству от тех, кто его не любит! – очень искренне ответил Балу, – Сейчас я учу его Главным Словам Джунглей, которые будут защищать его от Птиц и Змей, и всех, кто охотится на четырех ногах, кроме его собственной Стаи! Если он запомнит эти слова, у него будет защита от всего в Джунглях! Разве ради этого это не стоит чуть-чуть потерпеть?

– Хорошо, только смотри, чтобы ты ненароком не прибил человеческого детеныша! Он ведь не ствол пальмы, чтобы ты мог точить об него свои тупые когти! И что это за Великие Слова? Я скорее окажу любому нуждающемуся помощь, чем сама буду просить её! – и Багира вытянула одну свою прекрасную лапу с восхитительными стальными синеватыми когтями, словно вырезанными резцом великого скульптора, – А все же, как я хотела бы услышать эти слова!

– Я позову Маугли, и он перескажет тебе их, если захочет! Приди, наш маленький брат!

– Моя голова звонит, как пчелиный улей! – сказал угрюмый тихий голосок над их головами, и Маугли беззвучно соскользнул по стволу дерева, очень злой и возмущенный, добавив, ступая на землю:

– Я пришёл к Багире, а не к тебе, толстый старый увалень Балу!

– Мне всё равно! – сказал Балу, хотя и был огорчён и опечален такими словами Маугли, – Тогда расскажи Багире, Великие Слова Джунглей, которым я тебя научил сегодня!

– Великие слова для кого? Для какого народа? – сказал Маугли, обрадованный тем, что может выпендриться своими познаниями, – У Джунглей много языков. Я знаю их все!

– Ты знаешь не так уж и много! Видишь, Багира, они никогда не благодарят своего учителя! Ни один маленький волк никогда не возвращался, чтобы поблагодарить старого Балу за его поучения. Скажи тогда слово «Охотников» – великий ученый!

– Мы с тобой одной крови! – сказал Маугли, произнося слова как Медведя, так и всех остальных охотников.

– Хорошо! Теперь – Великое слово Птиц!

– Мы с тобой одной крови! – повторил Маугли с шипеньем Коршуна в конце фразы.

– Теперь Слово Змей! – попросила Багира.

В ответ послышалось совершенно неопишемое шипение, и Маугли упал на спину и задрал высоко ноги, потом хлопнул в ладоши, аплодируя самому себе, и затем прыгнул на спину Багиры, где тут же уселся у неё на спине бочком, барабанив пятками по глянцевой блестящей шкуре и строя ужасные рожи доброму Медведю Балу.

– Там-там! Это стоило небольшого синяка! – нежно сказал Бурый Медведь! Когда-нибудь ты будешь вспоминать меня словами благодарности!

Затем он повернулся в сторону, чтобы рассказать Багире, как он умолял Мастера Великих Слов Дикого Слона Хати, который знал все об этих вещах, и как Хатхи отвёл Маугли в бассейн, чтобы получить Слово от Водяной Змеи, потому что Балу не мог произнести его, и как Маугли был теперь достаточно защищён от всех несчастных случаев в Джунглях, потому что ни змея, ни птица, ни зверь теперь не могли причинить ему вреда.

– Теперь ты никого не должен бояться! – завёлся Балу, поглаживая свой большой пушистый живот с гордостью.

– За исключением его собственного племени! – сказал Багира себе под нос, и затем вслух обратилась к Маугли:

– Побереги мои бедные рёбрышки, мой маленький брат! Что это за танцы у меня на хребте?

А Маугли пытался заставить себя услышать, тряся плечо Багиры и сильно ударяя её ногой. Когда двое слушали его, он кричал во весь голос:

– Итак, у меня будет собственное племя, и я буду вести его через Джунгли целыми днями!

– Что это за новая глупость, мой маленький мечтатель? – спросил Багира.

– Да, и бросать ветки, орехи и грязь в старого доброго Балу! – продолжал Маугли, – Они обещали мне это! Ах!

– Ух, ты! – большая лапа Балу сгребла Маугли со спины Багиры, и, когда мальчик лежал между его огромными передними лапами, он увидел, что Медведь злится.

– Маугли! – сказал Балу, – Ты разговаривал с бандарскими бревнами – с обезьянами Бандар-Логами?

Маугли посмотрел на Багиру, чтобы понять, не злится ли Пантера, и глаза Багиры были такими же жёсткими, как нефритовые камни в воде.

– Ты был с Народом Обезьян – серыми Бандар-Логами – людьми без закона – пожирателями всего! Это большой позор!

– Когда Балу бил меня по голове, – сказал Маугли (он все еще лежал на спине), – я ушел, и Серые Обезьяны спустились с деревьев и пожалели меня! Больше никого это не волновало!

Маугли засопел носом.

– Обезьяны пожалели! – фыркнул Балу, – Тишина горного ручья! Прохлада летнего солнца! А что было потом, глупый человеческий детеныш?

– И затем, тогда они дали мне орехи и всякие вкусняшки, и понесли меня на руках на верхушки деревьев и сказали, что я их кровный брат, за исключением того, что у меня нет хвоста, и я должен однажды стать у них вождём!

– У них нет вождя! – сказал Багира, – Они лгут! Они всегда лгут!

– Они были очень добры и попросили меня прийти снова! Почему никто не познакомил меня с Обезьяньим Народом? Они стоят на ногах так же, как и я! Они не бьют меня своими твердыми лапами! Они играют со мной весь день! Позволь мне встать! Плохой Балу,пусти меня! Я буду играть с ними всегда!

– Слушай, глупый человеческий детеныш! – сказал Медведь Балу, и его голос грохотал, как гром в жаркую ночь, – Я научил тебя всему Закону Джунглей для всех народов джунглей – кроме Народов-Обезьян, которые живут на деревьях. У них нет Закона! Они изгой! У них нет собственного языка, но они используют краденые слова, которые они слышат, когда подслушивают их везде, где только можно, и выглядывают, и ждут наверху в ветвях. Их путь – не наш путь! У них нет вождей! У них нет прошлого! Они хвастаются, болтают и делают вид, что они великие люди, готовые совершать великие дела в джунглях, но падение ореха заставляет их хохотать, и они тут же всё забывают. Мы, Дети Джунглей не имеем с ними никаких дел! Мы не пьем там, где пьют обезьяны, мы не ходим туда, куда идут обезьяны, мы не охотимся там, где они охотятся, мы не умираем там, где они умирают! Ты когда-нибудь слышал, чтобы я что-то говорил о Бандар-Логах до сегодняшнего дня?

– Нет! – сказал Маугли шепотом, потому что лес был очень тих, теперь, когда Балу закончил, – Дети Джунглей выбросили их изо рта и из головы! Их очень много, злых, грязных, бесстыжих, и они жадные, и у них есть какое-то постоянное желание – быть постоянно замеченными Детями Джунглей. Но мы не замечаем их, даже когда они бросают в наши головы камни и грязь!

Не успел Маугли закончить говорить, как сквозь ветки на них обрушился поток камней и прутьев, и они могли слышать кашель, вой и злые прыжки высоко в воздухе среди тонких веток.

– Людям-Обезьянам запрещено, – сказал Балу, – запрещено быть рядом с Детями Джунглей! Запомни это навсегда!

– Запрещено! – сказал Багира, – Но я все еще думаю, что Балу должен был сам предупредить тебя о них!

– Я? Я??? Как я мог догадаться, он будет играть с такой грязью? Люди Обезьяны! Фу!

Свежий каменный дождь снова обрушился на их головы, и они побежали прочь, унося Маугли с собой. То, что Балу сказал об Обезьянах, оказалось совершенной правдой. Они были верны верхушкам деревьев, и никогда не спускались на землю, и поскольку звери очень редко смотрят вверх, у Обезьян и Детей Джунглей не было поводов пересечь пути друг друга. Но всякий раз, когда они находили больного Волка, раненого Тигра или Медведя, обезьяны мучили их и бросали палки и орехи в любого зверя для забавы и в надежде, что их заметят. Затем они завывали и выкрикивали бессмысленные песни и приглашали Детей Джунглей взбираться на свои деревья и сражаться с ними, или начинали яростные битвы просто так между собой, и оставляли мертвых обезьян там, где их могли видеть Дети Джунглей.

Они всё время говорят о том, что у них будет свой вождь, свои законы и обычаи, но они этого никогда не сделают, потому что у них короткая память, и их воспоминания не могут сохраняться изо дня в день в их головах, и поэтому они пошли на компромисс, сказав себе:

– То, что Бандар-Лог надумает сейчас, Джунгли выдумают позже!

И это их очень успокаивает. Ни один из зверей не может добраться до них, но, с другой стороны, ни один из зверей не заметит их, и поэтому они были так рады, когда Маугли сам пришел поиграть с ними, и ещё более рады, когда услышали, как гневался Балу.

Бандар-лог никогда ничего не планирует, но один из них придумал то, что показалось ему блестящей идеей, и он сказал всем остальным, что Маугли будет полезным человеком в племени, потому что он может плести лианы для защиты от ветра, так что, если они поймают его, они смогут заставить его учить их этому. Конечно, Маугли, как дитя дровосека, унаследовал всевозможные инстинкты и строил свои маленькие хижины из упавших веток, не задумываясь, как он это сделал. Люди-Обезьяны, наблюдавшие за ним из-за деревьев, находили его игру замечательной. На этот раз, говорили они, у нас действительно будет вождь, и мы станем самыми мудрыми людьми в Джунглях – настолько мудрыми, что все остальные заметят наши успехи и будут завидовать нам. Поэтому они очень тихо последовали за Балу, Багирой и Маугли через Джунгли, пока не наступило время полуденного сна, и Маугли, которому было очень стыдно за своё поведение, уснул между Пантерой и Медведем, решив больше не иметь дела с Обезьяньим Народом.

Следующее, что он помнил, были чьи – то руки на его ногах и руках – твердые, сильные, маленькие руки, а потом ветви хлестали его по лицу, и он смотрел вниз сквозь качающиеся ветви, когда Балу разбудил Джунгли своими глубокими криками, и Багира прыгала по стволу, свирепо оскалив клыки. Бандар-Логи торжествующе взвыли и всей стаей махнули к верхним ветвям, куда Багира не осмелилась последовать за ними, крича:

– Багира заметила нас! Все жители Джунглей восхищаются нашим мастерством и хитростью!

Затем они начали свой «полёт», и надо признать, что полёт обезьяньего народа через Джунгли – это одна из вещей, которые невозможно описать словами. У них есть свои обычные дороги и перекрёстки, вверх и вниз по кронам деревьев, все они проложены от пятидесяти до семидесяти или ста футов над землей, и по ним они могут путешествовать даже ночью, если это необходимо. Две самые сильные обезьяны подхватили Маугли подмышки и поскакали с ним по верхушкам деревьев, перепрыгивая через двадцать футов джунглей за один прыжок. Если бы они были сами по себе, то могли бы двигаться вдвое быстрее, но вес мальчика замедлял их скорость. Хотя Маугли очень скоро укачало и у него кружилась голова, он не мог не наслаждаться этой дикой суетой, хотя вид Земли далеко внизу пугал его, а мощные прыжки и резкие остановки в конце полёта заставили его сердце сжиматься. Его сопровождающие возносили его вверх по дереву, пока он не чувствовал, что самые тонкие верхние ветви потрескивают и прогибаются под ними, а затем с кашлем и криком бросались из кроны вниз и поднимались, повиснув на руках или ногах на нижних ветвях следующего дерева. Иногда он мог видеть на мили и мили вокруг неподвижные Зелёные Джунгли, как человек на верхушке мачты может видеть многие мили моря вокруг корабля, а потом ветви и листья начинали хлестать его по лицу, и он и двое его охранников снова оказывались почти на земле. И вот, прыгая, грохоча, вопя и улюлюкая, все племя Бандар-Логов понеслось по лесным тропам вместе с Маугли, своим новым пленником.

Некоторое время он боялся за себя. Потом он разозлился, но понял, что лучше не сопротивляться, и начал думать, что ему делать. Первым делом надо было послать весточку Балугу и Багире, потому что при таком темпе бега обезьяньей стаи он знал, что его друзья останутся далеко позади. Смотреть вниз было бесполезно, так как он мог видеть только верхушки ветвей, поэтому он смотрел вверх и увидел, как далеко в синеве, балансируя и едва колыхаясь в воздухе, кружится орёл Ранн, наблюдая за Джунглями в попытке подкараулить чью-то смерть. Ранн заметил, что обезьяны что-то несут, и спустился на несколько сот ярдов вниз, чтобы проверить, не несут ли они нечто вкусненькое. Он удивленно присвистнул, увидев, что на вершину дерева тащат лягушонка Маугли, и он только успел услышать, как малыш крикнул снизу:

«Мы одной крови, ты и я!»,

как густые ветви шумно сомкнулись над мальчиком. Но Ранн успел отлететь к следующему дереву, как раз вовремя, чтобы успеть рассмотреть маленькое смуглое личико.

– Заметь мой след! – отчаянно крикнул Маугли, – Сообщи Балугу из Сионийской Стаи и Багире со Скалы Совета!

– О ком сообщить, брат?

Ранн никогда раньше не видел Маугли, хотя, конечно, слышал о нём.

– О лягушонке Маугли! Меня ещё называют детёнышем человеков! Запомни мой след!

Последние слова были выкрикнуты, когда его раскачивали в воздухе, но Ранн кивнул и стал подниматься в небеса, пока не стал казаться едва видной пылинкой. Там он повис в воздухе, наблюдая в подзорную трубу своих острых глаз, как качаются верхушки деревьев, когда эскорт Маугли кружится и скользит по ветвям Джунглей.

«Они никогда не уходят слишком далеко, – усмехнулся он. – Они никогда не делают того, что задумали! Бандар-логи всегда клюют на что-то новенькое! На этот раз, лопни мои глаза, они сами нажили себе неприятностей, потому что Балуга не птенец, а Багира, как я знаю, может набить Бандар-Логов больше, чем коз!»

Поэтому он покачивался на крыльях, подобрав под себя ноги, и ждал.

Между тем Балуга и Багира были вне себя от ярости и горя. Багира карабкалась вверх, как никогда прежде, но тонкие ветви ломались под её весом, и она то и дело соскальзывала вниз, отчего её когти были полны коры.

– Почему ты не предупредил детеныша? – крикнула она бедному Балуге, который пустился рысью в надежде догнать обезьян. – Какой смысл было бить его, если ты не предупредил его?

– Скорее! О, скорее, поспешим! Мы... мы еще можем их поймать! – кричал Балу, тяжело дыша.

– На такой скорости? Раненые коровы бегают быстрее! Учитель Закона и Избавитель детёнышей-лягушат, ещё миля этих скачек вниз и вверх – и ты лопнешь и разорвёшься на куски! Сиди и думай! Надо составить план! Сейчас не время для погони! Они могут сбросить его, если мы подойдем слишком близко!

– Аррула! Ууу! Возможно, они уже уронили его, потому что устали нести! Кто может верить Бандар-Логу? Брось мне на голову дохлых летучих мышей! Дай мне грызть черные ночные черепа! Закатай меня в улы диких пчел, чтобы они меня зажалили до смерти, и тогда похороните меня вместе с самой паршивой гиеной, потому что я самый несчастный из медведей! Арулала! Вахоя! О Маугли! Маугли! Почему я не предостерег тебя от шашней обезьяньего народа, вместо того чтобы бить тебя по голове? Теперь, возможно, я выбил из его головы дневной урок, и он останется один в Джунглях без Слов Наставления!

Балу зажал уши лапами и со стоном, поджав под себя ноги, катался взад и вперед по земле.

– По крайней мере, некоторое время назад он правильно произнес Все слова! – нетерпеливо сказала Багира. – Балу, у тебя нет ни памяти, ни здравого смысла, ни уважения к самому себе! Что подумают Джунгли, если я, Черная Пантера, свернусь калачиком, как дикобраз Икки, и буду выть?

– Какое мне дело до того, что подумают Джунгли? Возможно, он уже мертв!

– Если только они не сбросят его с ветки ради забавы или не убьют из праздности, я не боюсь за детеныша! Он мудр и хорошо обучен, и прежде всего у него есть глаза, которые заставляют Детей Джунглей опускать свои зенки. Но (и это великое зло) он во власти Бандар-Логов, а они, поскольку живут на деревьях, не боятся никого из нашего народа. Багира задумчиво лизнула переднюю лапу.

– Какой же я дурак! О, какой я – толстый, замшелый, серый, бессмысленный дурак, жалкий пожиратель червяков и корней! – сказал Балу, рывком распрямляясь, – Это правда, что говорил Хатхи, Дикий Слон: «У каждого свой страх», а они, Бандар-Логи, все, как на подбор, боятся Каа, Питона, Обитателя Скал. Он может вползать на деревья так же бесшумно, как и они. Он крадет молодых обезьян ночью! От его шепота и его имени у них холодеют хвосты! Пойдем к Каа!

– Что он сделает для нас? Он не из нашего племени, он безногий, и у него очень злые глаза! – сказала Багира.

– Он очень стар и очень хитер! А главное, он всегда голоден! – с надеждой сказал Балу. – Пообещай ему побольше коз!

– Он спит целый месяц после того, как поел! Может быть, он уже спит, а если бы даже и не спал, что, если бы он предпочитает сам убивать собственных коз?

Багира, которая мало что знала о Каа, естественно, во всём подозревала неладное.

– В таком случае мы с тобой, старый охотник, могли бы заставить его образумиться!

Тут Балу потерся выцветшим коричневым плечом о плечо Пантеры, и они отправились на поиски Питона Каа, Обитателя Скал.

Они нашли его растянувшимся на теплом уступе под полуденным солнцем, любующимся своим прекрасным новым сюртуком, потому что последние десять дней он был на пенсии, меняя старую кожу на новую, и теперь вернул себе былое величие и теперь то бросал свою большую тупорылую голову вдоль земли, то скручивал тридцать футов своего тела в фантастические узлы и изгибы, то облизывал губы длинным языком, думая о предстоящем роскошном обеде.

– Он ничего не ел! – сказал Балу с облегчением, увидев коричневый с желтыми крапинками сюртук Питона Каа, – Будь осторожна, Багира! Он всегда немного слеп после того, как сменил кожу, и очень быстро наносит удар!

Питон Каа на самом деле не был ядовитой змеей – на самом деле он презирал ядовитых змей как жалких трусов, но его собственная сила заключалась в крутых объятиях его колец, и если он когда либо однажды обхватил кого-то своими огромными кольцами, говорить было уже не о чем.

– Доброй охоты! – крикнул Балу, садясь на корточки. Как и все змеи его породы, Каа был глуховат и не сразу слышал зов. Затем он свернулся калачиком, готовый к любой неожиданности, и застыл, опустив голову.

– Доброй охоты всем нам! – ответил он, – Ого, Балу, что ты тут делаешь? Удачной охоты, Багира! По крайней мере, одному из нас нужна еда! Есть новости о дичи неподалёку? Лань или даже молодой самец? Я пуст, как высохший колодец!

– Мы охотимся! – небрежно ответил Балу. Он знал, что ни при каких обстоятельствах не следует торопить Каа. Он ведь слишком большой и сильный для этого.

– Разреши мне пойти с тобой! – сказал Каа, – Одна добыча для вас ничего не значит, Багира или Балу, а я... мне приходится ждать и ждать целыми днями на лесной тропинке и карабкаться полночи на случай, если случайно появится молодая обезьяна! Пшшшоу! Ветви уже не те, что были, когда я был молод. Гнилые ветки и сухие сучья кругом – вот и все, что осталось!

– Может быть, всё дело в твоём огромном весе? – сказал Балу.

– Да! Я, как вы можете убедиться, довольно длинный! – сказал Каа с некоторой гордостью, – Но, несмотря на все это, виноват только что выросший лес. Я был близок к тому, чтобы упасть вниз на последней охоте, очень близок, и звук моего скольжения, потому что мой хвост не был туго обёрнут вокруг дерева, разбудил Бандар-Логов, и они обозвали меня самыми злыми кличками, какие знали!

– Безногий, Желтый Земляной Червь? – подсказала Багира ему в усы, когда он пытался что-то вспомнить.

– Пшшшш! Меня когда-нибудь так называли? – сказал Каа.

– Что-то в этом духе они кричали нам в прошлую Луну, но мы их не замечали! Они могут болтать все – что угодно, даже то, что ты потерял все зубы и не можешь совладать ни с кем, кто крупнее козленка, потому что (они действительно бесстыдны, эти Бандар – логи), потому что ты боишься козлиных рогов, – сладким голосом продолжала Багира.

Змея, особенно старый осторожный питон вроде Каа, очень редко проявляет гнев, но Балу и Багира видели, как по обе стороны горла у Каа всё сильнее и сильнее вздуваются и вздуваются большие глотательные мышцы.

– Бандар-Логии передвинули свои земли! – тихо сказал он, – Когда я сегодня вышел на солнце, я слышал, как они кричали среди верхушек деревьев...

– Это... это Бандар-Логии, за которыми мы сейчас следуем, – сказал Балу, но слова застряли у него в горле, потому что впервые на его памяти кто-то из Детей Джунглей открыто признавался, что интересуется действиями Обезьян.

– В таком случае, несомненно, не так-то просто взять двух таких великих охотников – вожаков в их собственных Джунглях и заставить их идти по следу Бандар-Логов, не так ли? – вежливо спросил Каа, просто раздуваясь от любопытства.

– По сути дела, – начал Балу, – я всего лишь старый и иногда очень глупый учитель Закона у Сионийских волчат, а Багира здесь...

– ...Это Багира, – сказала Черная Пантера, и её челюсти захлопнулись с такой силой, как будто она не верила в смирение, – Беда вот в чем, Каа... Эти похитители орехов и собиратели пальмовых листьев украли нашего детеныша, о котором ты, возможно, слышал...

– Я слышал кое-какие новости от Икки (его перья делают его порой самонадеянным и чересчур говорливым) о человеке, который был введен в волчью стаю, но я тогда не поверил. Икки полон историй, наполовину услышанных и очень плохо рассказанных... Верить ему можно далеко не всегда!

– Но это правда. Это такой человеческий детеныш, каких никогда не было, – сказал Балу. – Лучший, мудрейший и храбрейший из человеческих детенышей, мой лучший ученик, который прославит имя Балу во всех Джунглях, и, кроме того, я... мы... любим его, Каа...

– Тссс! Тссс! – сказал Каа, мотая головой из стороны в сторону. – Я тоже знаю, что такое любовь! Есть сказка, которую я мог бы рассказать, потому что...

– Для этого нужна хорошая, ясная, длинная ночь, когда мы все хорошо накормлены! – быстро сказала Багира, – Наш человеческий детеныш теперь в руках Бандар-Логов, и мы знаем, что из всех Детей Джунглей они боятся только Каа...

– Да-а... Они боятся меня одного... У них есть веская причина-а..., – неспешно прошептал Каа, – Болтают, глуп-пые, тщ-щеславные, пуст-тые, наивные, разболтанные, болтливые обез-зья-ны. Но челове-еку в их руках не очень хорош-шо... Ему не повез-зло. Они устают от орехов, которые собирают, и бросают их вниз-ззз! Они нос-сят ветку полдня, намереваясь сделать с ней великие дела, а потом ломают ее пополам. Этому человеку не позавидуеш-шь! Меня тож-же называли «ж-жёлтая сухопутная рыба», не так ли-ииии?

– Червяк! Червяк! Земляной червяк! – поправила Каа Багира, – а также они обзывали тебя другими словами, которые я не могу сейчас сказать, так это стыдно! О, как мне стыдно!

– Мы должны напомнить им, что они должны хорошо отзываться о своём хозяине! Ааа! Шшшш! Мы должны помоч-чь им возродить их блудливые воспоминания! Куда же они пошли с детеныш-шем?

– Одни Джунгли знают это! Кажется, ближе к закату! – сказал Балу, – Мы думали, ты знаешь, Каа...

– Я? Как-ккк? Я беру их, когда они попадают мне на пути, но я не охочусь ни на Бандар-Логов, ни на лягушек, ни на зеленую пену, если уж на то пошло-ооо!

– Вверх! Вверх! Вверх! Вверх! Хило! Илло! Илло! Смотри вверх, Балу из Сионской Волчьей Стаи!

Балу поднял голову, чтобы посмотреть, откуда доносится голос, и увидел Орла Ранна, который спускался вниз, и Солнце отражалось от его поднятых крыльев. Ранну уже приспела пора отправляться спать, но он облетел все Джунгли в поисках Медведя и не нашел его в густых зарослях.

– Что это? – спросил Балу.

– Я видел Маугли среди Бандар-Логов. Он велел мне передать тебе всё! Я наблюдал за ним! Бандар-Логи унесли его за реку, в Город Обезьян – в Холодные Пещеры. Они могут оставаться там всю ночь, могут быть там десять ночей, или час! Я велел Летучим Мышам наблюдать за ними в темное время! Это мое послание! Доброй охоты всем вам, тем, кто Внизу!

– Полный желудок и крепкого сна тебе, верный Ранн! – воскликнула Багира. – Я вспомню о тебе на моей следующей охоте и отложу лучшую обезьянью голову для тебя одного, о лучший из Орлов!»

– Полноте! Полноте! Мальчик сдержал слово Мастера. Он правильно передал Великие Слова Птиц! Я не мог поступить иначе! – и Ранн снова отлетел, направляясь к своему насесту.

– Он не забыл воспользоваться Словом Джунглей! – с гордостью сказал Балу, – Подумать только, что этот юноша помнил Великие Слова Птиц, даже когда его волокли по деревьям!

– Она вонзилась в него очень сильно! – сказала Багира, – Но я горжусь им, и теперь мы должны отправиться в Холодные Пещеры!

Все они знали, где находится это место, но мало кто из обитателей Джунглей бывал там, потому что то, что они называли Холодными Пещерами, было старым заброшенным городом,

затерянным и погребенным в Джунглях, а звери редко пользовались этим местом, потому что там когда-то жили люди. Дикие кабаны – да, порой забежали туда, но Охотничьи Племена – нет. Кроме того, обезьяны жили там настолько, насколько вообще можно было сказать, что они живут где угодно, и ни одно уважающее себя животное не попадалось им на глаза, и не заглядывало туда, кроме как во время засухи, когда в полуразрушенных резервуарах и бассейнах было можно найти хоть каплю воды.

– Тссс! Тссс! – сказал Каа, мотая головой из стороны в сторону.

– Туда придётся путешествовать добрую половину ночи, даже если двигаться очень быстро! – сказала Багира. Слушая её, Балу стал очень серьезен.

– Я пойду так быстро, как только смогу! – сказал он с тревогой.

– Мы не смеем ждать тебя! Следуй за нами, Балу! Мы должны идти быстрым шагом – Каа и я!

– Ногами или не ногами, но я могу идти в ногу со всеми твоими четырьмя, – коротко ответил Каа.

Балу пытался не отставать от них, но ему пришлось сесть, тяжело дыша, и они оставили его, чтобы он мог продолжить путь один в то время как Багира неслась вперед быстрым галопом настоящей Пантеры. Каа ничего не сказал, но, как ни старалась Багира быть впереди, огромный Питон держался на одном уровне с ней. Когда они добрались до горного ручья, Багира обогнала их, потому что, пока Каа плавал, она перепрыгнула через него, его голова и два фута шеи торчали из воды, но на ровной земле расстояние Каа быстро нагнал Багиру.

– Клянусь сломанным замком, который освободил меня, – сказала Багира, когда наступили сумерки, – ты не склонен медлить!

– Я голоден! – сказал Каа, – Кроме того, они называли меня пятнистой лягуш-шкой!

– Червем! Земляным болотным червем! Да еще жёлтым!

– Все равно! Идём далыш-ше! – и Каа, казалось, полетел по земле, отыскивая глазами кратчайшую дорогу и держась ее.

В Холодных Пещерах обезьяны совсем забыли о друзьях Маугли. Они принесли мальчика в Затерянный Город и были очень довольны собой. Маугли никогда прежде не видел древних Индийских городов, и хотя теперь это была почти целиком груда развалин, город до сих пор казался очень привлекательным и красивым. Какой-то король построил его давным-давно на небольшом холме. Все еще можно было проследить каменные мостки, ведущие к разрушенным воротам, где последние щепки дерева свисали с проржавевших петель. Деревья росли на стенах, зубчатые стены были разрушены и обветшали, а из окон башен свисали дикие сплетённые лианы.

Огромный дворец без крыши венчал холм, мрамор внутренних дворики и фонтанов был расколот и покрыт красными и зелеными пятнами, а самые булыжники двора, где когда-то содержались королевские слоны, проросли травой и молодыми деревцами. Из дворца можно было видеть ряды белых домов без крыш, из которых некогда состоял город, похожий теперь на пустые сгнившие соты, наполненные чернотой – бесформенный размером с дом каменный истукан, который когда-то был идолом на главной площади, где сходились четыре дороги, ямы и впадины на углах улиц, где когда-то располагались общественные колодцы, и разрушенные купола храмов с дикими фигами, растущими по их бокам. Обезьяны называли это место своим городом и делали вид, что презирают Детей Джунглей за то, что они живут в лесу. И всё же они никогда не знали, для чего построены эти здания и как ими пользоваться. Они сидели кругами в зале Королевского Совета, выискивая блох и притворяясь мужчинами. Или они вбегали и выбегали из домов без крыш, собирали в углу куски штукатурки и старых кирпичей, прятали их, тут же забывали, где их спрятали, дрались и плакали в толпе, а потом бросались играть вверх и вниз по террасам королевского сада, где трясли розовые деревья и апельсины, чтобы посмотреть, как падают на землю переспелые фрукты и цветы. Они исследовали все

проходы и тёмные туннели во дворце и сотни маленьких темных комнат, но так и не вспомнили, что видели и чего не видели; и так они целыми днями и слонялись поодиночке, по двое или толпами, говоря друг другу, что они поступают, как люди. Они пили из резервуаров, и вода становилась мутной, и потом они дрались из-за нее, и тогда они все вместе собирались в толпы и кричали:

«В Джунглях всяких тварей много!
Сколько ни туси в пути,
Но мудрее, и сильнее, и добрее Бандар-Лога,
Не найти, о, не найти!»

Потом все их игрища начинались с начала, пока они не уставали от своего города и не возвращались к вершинам деревьев, надеясь, что Дети Джунглей заметят их.

Маугли, воспитанный по Законам Джунглей, не любил и не понимал такой жизни. Ближе к вечеру обезьяны затащили его в Холодные Пещеры и, вместо того чтобы лечь спать, как это сделал бы Маугли после долгого путешествия, они взялись за руки и запели свои дурацкие песни. Одна из обезьян произнесла речь и сказала своим спутникам, что поимка Маугли знаменует собой нечто новое в мировой истории племени Бандар-Логов, так как Маугли собирается показать им, как плести палки и трости, чтобы сделать шалаш и защитить их от дождя и холода. Маугли подобрал несколько ползучих растений и принялся плести из них, а обезьяны попытались подражать ему, но через несколько минут потеряли к нему всякий интерес и, кашляя, стали дергать своих друзей за хвосты или прыгать на четвереньках...

– Я хочу есть! – сказал Маугли, – Я чужой в ваших Джунглях! Принесите мне еды или дайте мне разрешение охотиться здесь!

Двадцать или тридцать обезьян бросились к нему с орехами и дикими плодами. Но они начали драться по дороге, и им пришлось вернуться с тем, что осталось от плода. Маугли был зол, зол и голоден и время от времени бродил по пустому городу, призывая чужаков на охоту, но никто не откликался на его призывы, и Маугли чувствовал, что он действительно попал в очень скверное место.

«Все, что Балу говорил о Бандар-Логох, оказалось правдой! – подумал он про себя. – У них нет ни закона, ни охоты, ни вождей – ничего, кроме глупых слов и вороватых рук. Так что если я умру с голоду или умру здесь, это будет моя вина. Но я должен попытаться вернуться в свои Джунгли. Балу, конечно, побьет меня, но это лучше, чем гоняться за глупыми розовыми листьями с Бандар-Логоми!»

Не успел он дойти до городской стены, как обезьяны оттащили его назад, сказав, что он не знает, сколь он счастлив, и ущипнули, чтобы он был благодарен им за всё. Он стиснул зубы и ничего не сказал, но пошел с кричащими обезьянами на террасу над резервуарами из красного песчаника, наполовину заполненными дождевой водой. В центре террасы стояла разрушенная беседка из белого мрамора, построенная для королей, умерших сто лет назад. Куполообразная крыша наполовину провалилась и перекрывала подземный ход из дворца, через который обычно входили эти королевы. Но стены были сделаны из мраморных ажурных ширм – тут была прекрасная молочно-белая резьба, украшенная агатами, корнелианами, яшмой и ляпис-лазурью, и когда Луна поднялась над холмом, она просвечивала сквозь изящную резьбу, отбрасывая на землю тени, похожие на черную бархатную вышивку. Несмотря на усталость, сонливость и голод, Маугли не мог удержаться от смеха, когда Бандар-Логи начали рассказывать ему, по двадцать человек за раз, как они велики, мудры, сильны и кротки и как глупо с его стороны желать покинуть их владения.

– Мы великолепные! Мы свободные! Мы замечательные! Мы самые замечательные создания во всех Джунглях Мира! Мы все так говорим, и это должно быть правдой! – кричали

они, – Теперь, когда ты стал нашим новым слушателем и можешь донести наши слова до Детей Джунглей, чтобы они могли заметить нас в будущем, мы расскажем тебе все о наших превосходнейших качествах, о нашем «Я».

Маугли не возражал, и обезьяны сотнями и сотнями собирались на террасе, чтобы послушать, как их собственные ораторы поют хвалу Племени Бандар-Логов, и всякий раз, когда кто-нибудь останавливался, чтобы перевести дух, они все вместе кричали:

– Мы все так говорим!
Все! Вместе! Сейчас!
Мы вместе стоим!
Каждый день и каждый час!

Маугли кивал, моргал и говорил: «Да», когда ему задавали вопросы, и голова его закружилась от шума и диких криков.

«Шакал Табаки, должно быть, покусал всех этих волосатых людей, – подумал он про себя, – и теперь они сошли с ума! Конечно, это Девани, безумие! Они наверно никогда не спят? Теперь облако надвигается на Луну! Если бы это было достаточно большое облако, я мог бы попытаться убежать в темноте! Но я устал!»

За тем же облаком наблюдали два добрых друга из разрушенной канавы под городской стеной, потому что Багира и Каа, хорошо зная, как опасны обезьяны, не хотели рисковать. Обезьяны никогда не дерутся, если их не сто к одному, и мало кто в джунглях способен противостоять им.

– Я поползу к западной стене, – прошептал Каа, – и быстро спущусь по склону. Они не бросятся мне на спину сотнями, но...

– Я знаю, – сказала Багира, – Жаль, что здесь нет Балю, но мы должны сделать все, что в наших силах! Когда облако закроет Луну, я выйду на террасу. У них там что-то вроде совета по поводу мальчика!

– Удачной охоты, – мрачно сказал Каа и скользнул к западной стене. Она оказалась наименее разрушенной из всех, и большая питон задержался, прежде чем мог найти путь вверх по камням. Облако скрыло Луну, и Маугли, гадая, что будет дальше, услышал легкие шаги Багиры на террасе. Чёрная Пантера почти бесшумно взбежала по склону и стала бить – он знал, что не стоит тратить время на то, чтобы кусаться, – направо и налево лапами обезьян, сидевших вокруг Маугли кругами в пятьдесят и шестьдесят рядов. Раздался вопль ужаса и ярости, а потом, когда Багира споткнулась о брыкающиеся тела, обезьяна закричала:

– Убейте её! Убейте!

Шаркающая масса обезьян, кусая, царапая, разрывая и дергая, сомкнулась над Багирой, в то время как пять или шесть обезьян схватили Маугли, втащили его на стену беседки и втолкнули в дыру в разрушенном куполе. Мальчик, будь он обычным нетренированным мужчиной, точно получил бы сильные ушибы, так как падал с высоты добрых пятнадцати футов, но Маугли упал, как учил его Балю, и приземлился на ноги.

– Оставайся там! – кричали Обезьяны, – пока мы не убьём твоих друзей, а потом мы поиграем с тобой, если ядовитые твари оставят тебя в живых!

– Мы одной крови, ты и я! – сказал Маугли, быстро подав Зов Змей. Он услышал шорох и шипение в мусоре вокруг себя и повторил Зов во второй раз, чтобы удостовериться.

– Хорош-шшо!! Опустите-те капюш-шоны в-вниз-з!! – раздалось из углов беседки с полдюжины тихих голосов (все развалины Индии рано или поздно превращаются в логово змей, а старая беседка просто кишела Королевскими Кобрами), – Стой с-спокойно, братиш-шка, твои ноги могут прич-чинить нам з-ззло-оооо!

Маугли стоял так тихо, как только мог, вглядываясь сквозь открытую дверь во мрак и прислушиваясь к яростному грохоту битвы вокруг Черной Пантеры – крикам, болтовне и потасовкам, и глубокому, хриплому кашлю Багиры, когда она пятилась, брыкалась, извивалась и ныряла под груды врагов. Впервые с тех пор, как Маугли родился, Багире пришлось бороться за его жизнь!

«Балу уже должен быть здесь! Багира не пришла бы одна!» – подумал Маугли. А потом громко крикнул:

– Беги к цистерне, Багира! Улепётывай к цистернам с водой! Беги и ныряй! Иди к воде!

Багира услышала, и крик, сказавший ей, что Маугли в безопасности, и этот крик придал ей мужества. Она отчаянно, дюйм за дюймом, продвигалась прямо к резервуарам, всё время останавливаясь в тишине. Затем с разрушенной стены, ближайшей к джунглям, донесся боевой клич Балу. Старый Медведь сделал все, что мог, но он не мог прийти раньше.

– Багира! – закричал он, – Я здесь! Я лезу! Я спешу! Сейчас! Ахувара! Камни скользят у меня под ногами! Жди моего прихода, о печально известный Бандар-Лог! Уф-ф!

Он, задышавшись, поднялся на террасу и исчез по самую голову в обезьяньей волне, хлынувшей на него, но тут же бросился на корточки и, расставив передние лапы, схватил столько обезьян, сколько смог удержать, а затем начал бить, бить и бить их лапами, которые мелькали вокруг и падали, как удары лопастного колеса парохода. Грохот и всплеск сказали Маугли, что Багира пробилась к резервуару, куда обезьяны не могли забраться вслед за ней. Пантера лежала в воде, хватая ртом воздух, высунув голову, а обезьяны стояли в три ряда на красных ступенях, приплясывая от ярости и вождения, каждую секунду готовые броситься на неё со всех сторон, если она выйдет помочь Балу. Именно тогда Багира подняла свой мокрый подбородок и в отчаянии позвала Большую Змею на помощь:

– Каа! Мы одной крови, ты и я! – закричала Багира, ибо Она верила, что Каа в последнюю минуту поджал хвост и сбежал. Даже Балу, полу-задушенный обезьянами на краю террасы, не мог удержаться от смеха, услышав, как Черная Пантера просит о помощи.

Каа только что перелез через Западную стену с помощью замкового камня, который сбросил в ров при приземлении. У него не было ни малейшего желания терять своё преимущество над землей, и он несколько раз свернулся в клубок, чтобы убедиться, что каждый фут его длинного тела в порядке. Все это время битва с Балу продолжалась, обезьяны визжали, сплетаясь кучами вокруг Багиры, а летучий упырь Манг, со свистом пролетая взад и вперед, разносил по Джунглям весть о великой битве, пока даже дикий слон Хатхи не затрубил в трубу, а вдалеке разбежавшиеся стаи обезьяньего народа не проснулись и не ринулись по лесным дорогам помогать своим товарищам в Холодных Пещерах. Затем Каа заскользил прямо, быстро, испытывая только одну жажду – убивать. Боевая сила Питона заключается в мощном, стремительном ударе головой, опирающемся на всю энергию и вес тела. Если вы можете представить себе копьё, или таран, или молот весом почти в полтонны, управляемый холодным, спокойным, циничным умом, живущим в его рукояти, вы можете приблизительно представить, каким был Каа, когда сражался. Питон длиной в четыре-пять футов может сбить человека с ног, если ударит его в грудь, а Каа, как вам известно, был, по меньшей мере, тридцати футов длиной. Его первый удар пришелся в самое сердце толпы, бесновавшейся вокруг Балу. Он нанёс его закрытой пастью в молчании, и во втором ударе уже не было никакой необходимости. Обезьяны бросились врассыпную с криками:

– Каа! Это Каа! Бегите! Разбегайтесь во все стороны!

Многие поколения обезьян были напуганы рассказами старших Бандар-Логов о Каа, как о наглом ночном воре, который мог проскользнуть по ветвям так же тихо, как растет мох, и украсть самую сильную обезьяну, которая когда-либо жила; о старом Каа, который мог сделать себя похожим на мертвую ветку или гнилой пень, да так, что самые мудрые Бандар-Логги были обмануты, пока ветка не хватал их в железные тиски. Каа был всем, чего могли бояться

обезьяны в Джунглях, потому что никто из них не знал пределов его власти, никто из них не мог смотреть ему в глаза, и никто никогда не выходил из его объятий живым. И они побежали, заикаясь от ужаса, к стенам и крышам домов, а Балу наконец вздохнул с облегчением. Его шерсть была гораздо гуще, чем у Багиры, но он сильно пострадал в бою. Тогда Каа впервые открыл рот и произнес одно длинное шипящее Слово, и обезьяны, спешившие под защиту Холодных Пещер, остались там, где были, съёжившись, пока нагруженные ветви не согнулись и не затрещали под ними. Обезьяны на стенах и на крышах пустых домов перестали кричать, и в тишине, внезапно обрушившейся на город, Маугли услышал, как Багира отряхнула свои мокрые бока, когда выходила из бассейна. Затем снова поднялся шум. Обезьяны прыгали всё выше по стенам. Они цеплялись за шеи больших каменных идолов и визжали, прыгая по зубчатым стенам, а Маугли, танцующий в беседке, смотрел в темноту сквозь резьбу беседки и ухал по-свиному, показывая свое презрение к Бандар-Логам и насмехаясь над ними.

– Вытащи детёныша из ловушки, я больше ничего не могу сделать! – выдохнула Багира. – Давай возьмем детёныша и пойдём отсюда! Они могут напасть на нас снова!

– Они не двинутся с мес-ста, пока я не прикаж-жжу! Стойте! Тих- ххо!! – прошипел Каа, и город снова погрузился в тишину. – Тих-хо! Я не мог прийти раньш-ше, сестра, но мне кажется, я услыш-шал твой з-зов! – обратилась он к Багире.

– Я... я могла случайно закричать в битве! – ответила Багира, – Балу, ты ранен?

– Я не уверен, что они не превратили меня в сотню маленьких медвежат! – сказал Балу, сильно размахивая одной лапой за другой, – Вау! Мне больно! Каа, я думаю, мы обязаны тебе жизнью – Багира и я!

– Неважно! Где Лягушонок?

– Здесь, в ловушке! Я не могу выбраться! – закричал Маугли. Изгиб разрушенного купола был над его головой.

– Заберите его поскорее! Он танцует, как павлин Мао. Он раздавит наших детей! – шипели Королевские Кобры внутри беседки.

– Ха! – у него повсюду друзья, у этого человечьего отпрыска! Отойди, Лягушонок! А вы спрячьтесь, о ядовитые создания Джунглей! Я сломаю стену!

Каа внимательно осмотрелся, пока не нашел в Мраморном орнаменте выпцветшую трещину, показывающую слабое место, сделал два или три легких удара головой, чтобы увеличить расстояние, а затем, подняв над землей шесть футов своего тела, нанес полдюжины мощных сокрушительных ударов носом вперед. Экран сломался и исчез в облаке пыли и мусора, Маугли прыгнул в отверстие и бросился к Балу с Багирой, обхватив обеими руками их большие сильные шеи.

– Ты ранен? – спросил Балу, нежно обнимая его.

– Я болен, я голоден и сильно ушиблен! Но, о, братья Мои, как жестоко они обошлись с вами! Вы все в крови!

– И другие тоже! – сказала Багира, облизывая губы и отводя взгляд на груды мертвых обезьян на террасе и вокруг бассейна.

– Пустяки, пустяки, лишь бы ты был в безопасности, о моя гордость! Мой Лягушонок! – прохныкал Балу.

– Об этом мы поговорим позже! – сказала Багира сухим голосом, который Маугли совсем не понравился, – Но вот здесь – Каа, которому мы обязаны выигрышем в битве, а ты – своей жизнью! Поблаговари его по нашим обычаям, Маугли!

Маугли обернулся и увидел, что голова огромного питона мерно покачивается в футе над его головой.

– Так вот он, человечес-сый отпрыск, – сказал Каа, – У него оч-чень очень мягкая кожа, и он похож на Бандар-Лога. Будь осторож-жен, человечес-ский отпрыск, чтобы я не принял тебя за обез-зяну в сумер-рках, когда я переоденус-сь в новый с-сюртук!

– Мы одной крови, ты и я! – крикнул Маугли, – Сегодня ночью ты спас мне жизнь! Если ты когда-нибудь проголодаешься, о Каа, моя добыча всегда будет твоей!

– Спас-сибо, братиш-шшшка! – сказал Каа, и глаза его увлажнились, – А что мож-жет убить такой с-смелый ох-хотник? Я прош-шу разреш-шения следовать з-за ним, когда он в следуюш-щщий раз пойдёт на ох-хоту!

– Я никого не убиваю, я слишком мал для этого, но я загоняю коз к тем, кто может их убить. Когда ты будешь голоден, приходи ко мне и посмотри, говорю ли я правду. У меня есть кое-какие навыки в этом, – он протянул руки, – и если ты когда-нибудь попадешься в ловушку, я могу заплатить долг, который я должен тебе, Багире и Балу – я спасу тебя! Доброй охоты всем вам, господа!

– Хорошо сказано! – проворчал Балу, потому что Маугли очень мило поблагодарил его. Питон на минуту опустил голову на плечо Маугли.

– У тебя х-храброе с-сердце и веж-жливый язык, малыш-ш! – сказал он. – Ты добьёшься очень многого в дж-жунглях, челове-ческий отпрыск. А теперь быстро уходи отсюда со с-своими друзьями! Иди и спи-ии, ибо Луна з-заходит, и то, что последует за ней, нехорошо, если ты увидиш-шшшшь!

Луна опускалась за холмы, и ряды дрожащих обезьян, сбившихся в кучу на стенах и зубчатых стенах, выглядели как рваные шаткие силуэты. Балу спустился к резервуару, чтобы напиться, и Багира принялась приводить в порядок его шерсть, а Каа выскользнул на середину террасы и со звоном сомкнул челюсти, привлекая к себе внимание всех обезьян.

– Луна садитс-ссся, – сказал он. – Достаточно ли с-сссвета, чтобы видеть?»

Со стен донесся стон, похожий на завывание ветра в верхушках деревьев:

– Хорош-шшшшо! Начинается танец-ц – танец голода Каа! С-ссидеть и с-сссмотре-ее-еть!

Он дважды или трижды повернулся по кругу, мотая головой из стороны в сторону. Затем он начал делать из своего тела петли и восьмерки, и мягкие, вязкие треугольники, которые таяли и превращались в квадраты и пятигранные фигуры, и извивающиеся холмики, и спирали, он делал это никогда не останавливаясь, никогда не торопясь и никогда не прекращая своей низкой жужжащей песни. Становилось все темнее и темнее, пока, наконец, волочащиеся, перемещающиеся кольца не исчезли, но зрители могли слышать только шарканье и шорох змеиной чешуи.

Балу и Багира стояли неподвижно, как каменные, рыча, волосы у них на шее встали дыбом, а Маугли смотрел и удивлялся.

– Бандар-Лог, – произнёс наконец низким голосом Каа, – ты можеш-шшшшь пош-шше-велить рукой или ногой без моего приказ-за? Говор-ри!

– Без твоего приказа мы не можем пошевелить ни рукой, ни ногой, о Каа!

– Хорош-шшшшо! Подойдите все на ш-шшаг ближ-жжже ко мне-еееее!

Ряды обезьян беспомощно качнулись вперёд, и Балу с Багирой сделали шаг вперед вместе с ними.

– Ближ-жжжже! – прошипел Каа, и все снова зашевелились как по команде.

Маугли положил руки на Балу и Багиру, чтобы увести их, и два огромных зверя вздрогнули, словно пробудившись ото сна.

– Положи руку мне на плечо, – прошептала Багира. – Держи её там, или я должна буду вернуться... должна вернуться к Каа. Ааа!

– Это всего лишь Старый Каа делает круги в пыли, – сказал Маугли, – Пойдем!

И все трое выскользнули через пролом в стене в Джунгли.

– Гав! – сказал Балу, снова оказавшись под неподвижными деревьями, – Никогда больше я не стану напарником Каа, – и он встряхнулся всем телом.

– Он знает больше нас, – сказала Багира, дрожа, – Через некоторое время, если бы я осталась там, я бы сама вошла в его глотку!

– Многие пройдут по этой дорожке до восхода Луны, – сказал Балю, – У него будет хорошая охота – на свой лад, конечно!

– Но что все это значило? – сказал Маугли, который ничего не знал о чарующей силе Питона, – Я видел только большую змею, которая делала глупые круги, пока не стемнело. И нос у него болел! Хо! Хо!

– Маугли, – сердито сказала Багира, – его нос болел из-за тебя, как мои уши, бока и лапы, а шея и плечи Балю все искушены тоже из-за тебя. В течение многих дней ни Балю, ни Багира не смогли охотиться с удовольствием!

– Пустяки! – сказал Балю, – Зато у нас снова человеческий детёныш!

– Верно, но это стоило такой бездны времени, которое можно было бы потратить на хорошую охоту, на раны, на волосы – у меня шкура вдоль спины вся выщипана – и, наконец, на честь. Не забывай, Маугли, я, Чёрная Пантера, была вынуждена просить защиты у Каа, и мы с Балю от голода стали глупыми, как маленькие птички. Все это, человеческий детёныш, от твоей игры с Бандар-Логам!

– Верно, верно, – печально сказал Маугли, – Я злой детёныш человека, и мой желудок урчит внутри меня! Это моя совесть!

– Пуф-ф! Что говорит Закон Джунглей, Балю?

Балю не хотел доставлять Маугли больше неприятностей, но он не мог вмешиваться в Закон, поэтому он пробормотал:

– Печаль и совесть никогда не были наказанием. Но помни, Багира, он очень маленький!

– Я буду помнить. Но он нанес нам вред, и наказание должно быть сейчас! Маугли, тебе есть что сказать в свою защиту?

– Ничего такого! Я поступил неправильно! Балю и ты ранены! Я виноват! Всё просто!

Багира дала ему полдюжины любовных шлепков с точки зрения Пантеры (они вряд ли разбудили бы её собственного детёныша), но для семилетнего мальчика это было настолько жестоким избиением, какого вы наверняка хотели бы избежать. Когда всё было кончено, Маугли чихнул и поднялся, не сказав ни слова.

– Теперь, – сказал Багира, – прыгни мне на спину, маленький брат, и мы поедем домой!

Одна из красот Закона Джунглей – то, что наказание сводит все счёты! Там нет нытья потом!

Маугли положил голову на спину Багиры и спал так глубоко, что не проснулся, когда его перенесли и уложили в уютную домашнюю пещеру.

«Тигр! Тигр!»

Теперь мы должны вернуться к нашему первому рассказу. Когда Маугли покинул волчью пещеру после битвы со стаей у Скалы Совета, он спустился на вспаханные земли, где жили крестьяне, но не остановился там, потому что всё это было слишком близко к Джунглям, и он знал, что приобрел по крайней мере одного злейшего врага на Совете Стаи. Поэтому он поспешил дальше, держась неровной дороги, спускавшейся в долину, и шёл по ней ровной рысью почти двадцать миль, пока не добрался до незнакомой местности. Долина выходила на большую равнину, усеянную скалами и изрезанную глубокими оврагами. С одной стороны стояла деревушка, с другой – густые Джунгли спускались к пастбищам и останавливались перед ними, как будто их отрезали мотыгой. По всей равнине паслись коровы и буйволы, и когда мальчики, пасшие стада, увидели Маугли, они закричали и убежали, а жёлтые бродячие собаки, которые ошивались вокруг каждой индийской деревни, стали истошно лаять. Маугли пошел дальше, потому что был голоден, и, подойдя к деревенским воротам, увидел, что большой терновый куст, который в сумерках подступал к воротам, отодвинут в сторону.

«Умх! – сказал он, вс помнив, что не раз сталкивался с такой баррикадой во время ночных прогулок за едой, – Значит, люди боятся и здешних обитателей Джунглей. Он сел у калитки, а когда вышел человек, встал, открыл рот и показал пальцем вниз, показывая, что хочет есть. Мужчина вытаращил глаза и побежал назад по единственной деревенской улице, призывая священника, который оказался большим, толстым человеком, одетым во всё белое, с красно-желтым пятном на лбу. Священник подошел к воротам, и с ним оказалась по меньшей мере сотня людей, которые смотрели, разговаривали, кричали и показывали на Маугли.

«У этих людей совсем нет манер, – отметил про себя Маугли, – Только серая обезьяна может так себя вести! Они все совершенно невоспитанные твари!»

Поэтому он гордо откинул назад свои длинные волосы и хмуро посмотрел на толпу.

– Чего его бояться? – возвещал народу священник, – Посмотрите на шрамы на его руках и ногах! Это укусы Волков! Он всего лишь ребёнок-волк, сбежавший из джунглей!

Конечно, играя вместе, волчата часто кусали Маугли сильнее, чем намеревались, и на руках и ногах у него были белые шрамы. Но он был бы последним человеком в мире, кто назвал бы это «укусами», потому что он знал, что такое настоящий укус.

– Аре! Аре! – сказали две или три женщины одновременно. – Быть покусанным волками, бедное дитя! Он красивый мальчик! У него глаза, как красный огонь. Клянусь честью, Мессуа, он похож на твоего мальчика, которого забрал тигр!

– Дай-ка я посмотрю, – сказала женщина с тяжелыми медными кольцами на запястьях и лодыжках, и внимательно посмотрела на Маугли. – Конечно, нет! Он похудел! Но очень похож на моего мальчика!

Священник был умным человеком и знал, что Мессуа-жена самого богатого крестьянина в округе. Он посмотрел на небо и торжественно сказал:

– То, что джунгли забрали, тем джунгли и воздали! Возьми мальчика в свой дом, сестра моя, и не забудь почтить священника, который заглядывает так далеко в жизнь простых людей, предрекая им грядущее и принося им неземное счастье в настоящем!

«Клянусь быком, который купил меня, – сказал себе Маугли, – что все эти пустые разговоры похожи на еще один смотр Стаи! Что ж, если я здесь человек и мужчина, то я должен ими стать!

Толпа расступилась, когда женщина поманила Маугли к себе в хижину, где стояли красная лакированная кровать, большой глиняный сундук с забавными рельефными узорами, полдюжины медных кастрюль, а в маленькой неглубокой нише – маленькое изображение древнего

индусского Бога, а на стене – настоящее круглое зеркало, такое, какие продают на деревенских ярмарках бродячие менялы.

Она напоила его молоком и накормила хлебом, потом положила ему на голову свою руку и кротко заглянула в глаза, думая, что, может быть, это и в самом деле её настоящий сын, вернувшийся из джунглей, куда его унёс Тигр. И она позвала:

– Натху! О Натху!

Маугли ничем не показал, что знает это имя.

– Натху! Разве ты не помнишь тот день, когда я подарила тебе новые красивые башмаки?

Она дотронулась до его ноги, и нога оказалась почти такой же твердой, как рог.

– Нет, – сказала она печально, – эти ноги никогда не носили обуви, но ты столь похож на моего Натху, что всё равно будешь моим сыном!

Маугли стало не по себе, потому что он никогда раньше не бывал под крышей человеческого дома. Но, взглянув на утлую соломенную крышу, он увидел, что если захочет уйти, он может проломить ее в любой момент, и что окно в хижине вообще никак не запирается.

«Что хорошего в человеке, – сказал он наконец про себя, – если он не понимает человеческой речи? Теперь я так же глуп и нем с ними, как был бы человек глуп и нем с нами в Джунглях. Я должен научиться говорить на их языке!»

Пока он был с Волками, он научился подражать вою самцов в Джунглях и хрюканью маленькой дикой свиньи, вовсе не ради забавы. Поэтому, как только Мессуа произносила какое-нибудь слово, Маугли сразу повторял его почти в совершенстве, и еще до наступления темноты он выучил названия многих вещей в хижине.

Маугли не хотел спать ни под чем, что было бы так похоже на ловушку для Пантер, как была похожа на неё эта странная хижина, и когда они закрыли дверь, он вылез в окно.

– Дай ему время! Не неволь его! – сказал муж Мессуи, – Помни, что до сих пор он не мог спать на кровати. Если он действительно послан нам вместо нашего сына, он не убежит!

Маугли растянулся в высокой чистой траве на краю поля, но не успел он закрыть глаза, как мягкий серый нос ласково уткнулся в его подбородок.

– Фу! – сказал Серый Брат (он был старшим из волчат матери). Какая плохая награда за двадцать миль бега, которые мне пришлось проделать ради тебя! Ты насквозь пропах древесным дымом и домашними тварями – совсем как человек! Проснись, братишка, я принес новости!

– В Джунглях все в порядке? – сказал Маугли, радостно обнимая Брата.

– Всё, кроме волков, которых сожгли вместе с Красным Цветком! А теперь слушай! Шер-Хан уехал на охоту далеко-далеко, и его не будет, пока не отрастёт его шкура, потому что он очень сильно обгорел! Когда он вернётся, он поклялся в этом, он бросит твои гладкие кости в Вангунгу!

– Это как сказать! Я также дал небольшое обещание. Но новости всегда хорошие. А эта – особенно! Я устал сегодня, очень устал от всего нового, Серый Брат, но ты всегда приходи ко мне и сообщай мне Новости!

– Ты не забудешь, что ты Волк? Люди не заставят тебя забыть? – с тревогой спросил Серый Брат.

– Никогда! Я всегда буду помнить, что люблю тебя и всех в нашей Пещере. Но также я всегда буду теперь помнить, что я был изгнан из Стаи!

– И что тебя изгнали из другой стаи? Люди-всего лишь люди, братишка, и их разговоры подобны разговорам лягушек в пруду. Когда я снова приду сюда, я буду ждать тебя в бамбуковых зарослях на краю пастбища!

В течение трех месяцев после этой ночи Маугли почти не выходил за деревенские ворота, так он был занят изучением нравов и обычаев людей. Сначала ему пришлось накинуть на плечи какую-то тряпку, что ужасно его раздражало, потом он узнал о деньгах, в которых он совер-

шенно ничего не соображал, и о пахоте, в которой не видел никакой пользы. Тогда маленькие дети в деревне очень злили его. К счастью, Закон Джунглей научил его держать себя в руках, потому что в Джунглях жизнь и пища зависят от того, как ты держишь себя в руках, но когда они смеялись над ним из-за того, что он не играл в их игры и не запускал воздушных змеев, или из-за того, что он неправильно произносил какое-то слово, только знание того, что убивать маленьких голых детёнышей неспортивно, удерживало его от того, чтобы не поднять их и не разорвать в клочья.

Он совсем не понимал, как он силен. В Джунглях он знал, что слабее зверей, но в деревне говорили, что он силен, как бык.

И Маугли не имел ни малейшего представления о том, какая разница существует между людьми. Когда осёл Гончара поскользнулся в глиняной яме, Маугли вытащил его за хвост и помог сложить горшки для путешествия на рынок в Ханхиваре. Это было ужасно, потому что Гончар был человек самой низкой касты, а его осёл ещё ниже. Когда священник отругал его, Маугли пригрозил посадить его тоже на осла, и священник сказал мужу Мессуи, что Маугли лучше как можно скорее приступить к работе, и деревенский староста сказал Маугли, что завтра ему придётся идти с буйволами и пасти их в лугах, пока они пасутся. Никто не был так доволен, как Маугли, и в ту ночь, так как он был назначен охранником деревни, он отправился в круг, который собирался каждый вечер на каменной площадке под большой смоковницей. Это был деревенский клуб, и староста, и сторож, и цирюльник, знавший все деревенские сплетни, и старый Бульдео, деревенский охотник, у которого был свой мушкет, встретились и закурили. Обезьяны сидели и разговаривали на верхних ветвях, а под платформой, где жила Кобра, была дыра, и она каждый вечер получала свое маленькое блюдечко молока, потому что была священна, а старики сидели вокруг дерева и разговаривали, и курили большие курительные трубы до глубокой ночи. Они рассказывали удивительные истории о богах, людях и призраках, а Бульдео рассказывал еще более удивительные истории о повадках зверей в джунглях, пока глаза детей, сидящих вне круга, не вылезали из орбит. Большинство сказок были о животных, потому что джунгли всегда начинались прямо у их дверей. Олени и Дикие Свиньи постоянно собирали их урожай, и время от времени в сумерках Тигр уносил человека в поле прямо от деревенских ворот.

Маугли, который, естественно, кое-что понимал в том, о чем они говорили, пришлось прикрывать лицо, чтобы не показывать, что он смеется, и в то время как Бульдео с мушкетом на коленях перебирался из одной чудесной, фантастической истории в другую, плечи Маугли тряслись от неудержимого хохота.

Например, Бульдео вещал, что Тигр, унёсший сына Мессуи, был тигром-призраком, а в его теле обитал призрак злого старого ростовщика, который умер несколько лет назад.

– И я знаю, что это правда, – сказал он, – потому что Пурун Дасс всегда хромал от удара, который он получил во время бунта, когда его бухгалтерские книги были сожжены, и Тигр, о котором я говорю, тоже хромает, потому что следы его лап разные!

– Верно, верно, должно быть, так оно и есть! – хором закивали седобородые аборигены.

– Скажите, вам не кажутся все эти сказки сплошной выдумкой и болтовнёй при Луне? – как-то спросил Маугли, – Как всем известно, этот Тигр хромает, потому что родился хромым! Говорить о душе ростовщика, оказавшейся в звере, который никогда не имел смелости шакала, это просто детский лепет!

Балдео на мгновение онемел от удивления, и у него открылся рот, а старейшина выпучил рачьи глаза.

– Ого! Это отродье из джунглей, да? – осведомился Бульдео. – Если ты такой мудрый, лучше принеси его шкуру Тигра в Ханхивару, потому что правительство готово заплатить сто рупий за его жизнь! Лучше помолчи, когда говорят старики!

Маугли поднялся, чтобы уйти.

– Весь вечер я лежал здесь и слушал, – бросил он через плечо, – и за исключением одного или двух раз, Бульдео не сказал ни слова правды о Джунглях, которые лежат у самых его дверей. Как же мне верить рассказам о привидениях, богах и гоблинах, которых он якобы видел?

– Этому мальчику уже давно пора начать пасти стадо! – сказал старейшина.

А Бульдео пыхтел и фыркал от дерзости Маугли.

В большинстве индийских деревень есть обычай, когда несколько мальчиков рано утром выводят скот и буйволов на пастбище, а вечером приводят их обратно. Те самые коровы, которые затоптали бы белого человека до смерти, позволяют себя бить, запугивать и кричать на себя детям, которые едва достают им до пояса. Пока мальчики пасут стада, они в безопасности, потому что даже Тигр не нападает на большое стадо. Но если они разбредаются собирать цветы или охотиться на ящериц, их иногда уносят.

Маугли двигался по деревенской улице на рассвете, сидя на спине Рамы, огромного быка. Аспидно-синие буйволы с длинными, загнутыми назад рогами и свирепыми глазами один за другим выходили из своих стойл и следовали за ним, и Маугли ясно давал понять детям, что здесь он хозяин. Он бил буйволов длинным полированным бамбуком и велел одному из мальчиков, Камье, пасти скот самому, а сам пошел дальше с буйволами и старался не отходить от стада.

Индийские пастбища – это сплошные скалы, кустарники, кочки и овраги, среди которых разбегаются, теряются и исчезают целые стада. Буйволы обычно держатся луж и грязных мест, где они валяются в траве или нежатся в теплой грязи часами. Маугли погнал их к краю равнины, где из Джунглей выходила Вайнгунга, потом соскочил с шеи Рамы, побежал к бамбуковой роще и нашел там Серого Брата.

– Ах, – сказал Серый Брат, – я ждал здесь много дней! Что означает эта скотоводческая катавасия?

– Это приказ! – сказал Маугли, – Какое-то время я буду гонять деревенские стада! Какие новости о Шер Хане?

– Он вернулся в нашу страну и долго караулил тебя здесь! Теперь он снова ушел, потому что дичи мало! Но он хочет убить тебя!

– Очень хорошо! – сказал Маугли. – Пока его нет, ты или один из четырех братьев сидите на том камне, чтобы я мог видеть вас, когда выйду из деревни. Когда он вернется, жди меня в овраге у дерева Дхак в центре равнины. Нам не стоит спешить в пасть Шер Хана! Не так ли?

Маугли выбрал тенистое место, лёг и заснул, а буйволы паслись вокруг него. Скотоводство в Индии – одна из самых ленивых профессий в мире. Скот движется и хрустит челюстями, и ложится, и снова движется, и даже не фыркает. Они только кряхтят, а буйволы очень редко что-нибудь бомочут, но медленно опускаются в грязные лужи один за другим и забираются в грязь, пока над поверхностью не остаются только их носы и вытаращенные фарфорово-голубые глаза, и тогда они лежат, как бревна. Солнце заставляет камни плясать от жары, и пастушки слышат, как один орёл (всегда один почему-то) свистит почти невидимый, паря в чудовищной высоте над головой, и они знают, что если они умрут или умрет корова, то этот орёл сразу ловко скользнёт вниз, и другой орёл за много миль отсюда сразу увидит, как этот упадет и тут же последует за ним, и следующий, и следующий, и еще до того, как кто-то умрёт, из ниоткуда появляется целая дюжина голодных клювов. Потом пастушки спят, просыпаются и снова засыпают, плетут корзиночки из сухой травы и сажают в них кузнечиков, или ловят двух Богомолов и заставляют их драться, или начинают нанизывать ожерелья из красных и чёрных орехов, найденных в Джунглях, или понаблюдать за ящерицей, нежащейся на камне, или за змеей, охотящейся на лягушку в болоте. Потом они поют длинные-предлинные песни со странными туземными трясучками в конце, и их день кажется длиннее, чем вся жизнь большинства людей, и, даже может быть, они строят глинобитный замок с глинобитными же фигурками людей, лошадей и буйволов, и вкладывают тростник в руки людей, и притворяются, что они цари,

а глиняные фигурки – это их армии, или что они боги, которым нужно поклоняться. Потом наступает вечер, и дети кричат, и буйволы выползают из липкой грязи, издавая звуки, похожие на выстрелы, один за другим, и все они тянутся через серую равнину обратно к мерцающим огням деревни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.